Дикие

Автор:
Рори Пауэр

Дикие

Рори Пауэр

REBEL

Уже больше года школа-пансион для девочек на острове Ракстер находится в карантине. Из-за неизвестного вируса почти все учителя погибли, а тела Гетти и ее одноклассниц мутировали. Отрезанные от мира девушки не покидают стен школы. Все, что им остается, – это ждать обещанного лекарства. Но когда лучшая подруга Гетти пропадает, она готова пожертвовать всем, лишь бы ее найти.

Рори Пауэр

Дикие

WILDER GIRLS

by Rory Power

Напечатано при содействии литературного агентства AJA Anna Jarota Agency.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного

или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

© Марина Давыдова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2020

Copyright © Rory Power 2019

First published in 2019 by Delacorte Press

Jacket art copyright © 2019 by Aykut Aydogdu

Литературно-художественное издание

Серия REBEL

* * *

Посвящается моей маме,

и мне,

и всем нашим версиям,

которые не верили,

что у нас получится

Все, что разное,

странное,

чудное,

пестрое.

Джерард Мэнли Хопкинс[1 - Хопкинс, Джерард Мэнли (1844–1889) – английский поэт и католический священник. – Примеч. ред.].

«Пестрая красота»

Гетти

Глава 1

Движение. Далеко внизу, в заснеженном лесу. В зарослях среди деревьев. С крыши видно, как изгибаются ветви кустарника, пока что-то направляется в сторону океана.

Судя по размеру, это койот – крупный, мне по плечо. С зубищами, которые ложатся в ладонь, как ножи. Я знаю, потому что однажды нашла один такой в заборе. Я забрала его и спрятала у себя под кроватью.

Последний рывок через кусты – и лес снова замирает. На другом краю плоской кровли Байетт опускает ружье на ограждение. Дорога свободна.

Я свое ружье на всякий случай держу наготове, прижав левый глаз к прицелу. Правый незрячий – ослеп после приступа. Веки слиплись, и под ними что-то растет.

Это происходит с каждой из нас. Мы больны чем-то странным и не знаем почему. Из нас рвутся инородные объекты, мы теряем части тел и отращиваем новые, кожа сходит с нас лоскутами, а потом все вдруг прекращается, как будто болезнь затаилась до лучших времен.

Через прицел я вижу мир, выбеленный полуденным солнцем. Вижу леса, растянувшиеся до самого края острова, и океан за ними. Вижу ощетинившиеся сосны, макушки которых возвышаются над домом. Местами – там, где дубы или березы сбросили листья, – виднеются темные залысины, но бо?льшая часть лесного полога плотно соткана из затвердевших от мороза иголок. Через них пробивается только антенна – толку от нее чуть, потому что сигнала больше нет.

Со стороны дороги раздается крик, и из-за деревьев появляется лодочная смена. Пересечь весь остров и добраться до пирса, куда раньше причаливали паромы, а теперь флот доставляет продовольствие и одежду, способны единицы. Остальные сидят за забором и молятся об их возвращении.

Самая высокая фигура – мисс Уэлч – останавливается у ворот и возится с замком. Наконец ворота распахиваются, и лодочницы, румяные с мороза, вваливаются внутрь. Все трое невредимы и сгибаются под тяжестью банок, мясных консервов и коробок с рафинадом. Уэлч поворачивается, чтобы запереть ворота. Из учителей она была самой молодой, от силы лет на пять старше самых взрослых из нас. Раньше она жила в нашем крыле и смотрела сквозь пальцы на тех, кто возвращался в комнату после отбоя. Теперь она пересчитывает нас каждое утро, чтобы удостовериться, что за ночь никто не умер.

Она машет рукой, отпуская нас, и Байетт машет в ответ. Я отвечаю за ворота. Байетт – за дорогу. Иногда мы меняемся, правда ненадолго, потому что мой глаз не очень хорошо видит вдаль. Но даже так стрелок из меня лучше, чем из доброй половины тех, кто мог бы занять мое место.

Последняя из лодочниц поднимается на крыльцо, и наша смена заканчивается. Разрядить ружья. Сложить патроны в коробку для следующей смены. Сунуть один в карман – на всякий случай.

От плоской кровли скат крыши плавно уходит вниз, с третьего этажа на второй. Мы спускаемся к открытому окну и запрыгиваем внутрь. В юбках и гольфах, которые мы носили раньше, было тяжелее, и какой-то внутренний голос до сих

пор напоминает нам не разводить колени слишком широко. Это было давно. Теперь, в рваных джинсах, беспокоиться не о чем.

Байетт забирается в дом следом за мной, оставляя на вытертом подоконнике очередной отпечаток, и перебрасывает через плечо волосы. Прямые, как у меня, светлого каштанового оттенка. Чистые. У нас может не быть хлеба, но шампунь есть всегда.

– Что ты видела? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Ничего.

Завтрак был скудный, и меня потряхивает от голода. Я знаю, что Байетт чувствует то же самое, поэтому мы торопливо спускаемся на первый этаж, в просторный вестибюль с высокими потолками. Покосившиеся, покрытые царапинами столы. Камин. Диваны с высокими жесткими спинками – набивка пошла на растопку. И мы – все, кто остался, шумные и живые.

Когда все началось, нас было сто учениц и двадцать учителей. Вместе мы занимали оба крыла, пристроенные к старому зданию. Теперь нам хватает одного.

Лодочницы вваливаются в вестибюль через парадные двери, сбрасывают мешки на пол, и начинается битва за еду. В основном нам присылают консервы, иногда вяленое мясо. Свежих продуктов почти не бывает, а если что-то и перепадает, этого никогда не хватает на всех, и чаще всего обед состоит из мизерных пайков, которые Уэлч держит в запертой на ключ кладовой и распределяет между нами. Но сегодня поставочный день, лодочная смена вернулась с припасами, и Уэлч с директрисой отступают в сторону, позволяя каждой из нас сразиться за свой обед.

Нам с Байетт сражаться нет нужды. Риз стоит у самой двери и оттаскивает для нас в сторону один из мешков. Будь это кто-то другой, остальные бы возмутились, но у Риз вместо левой руки лапа с острыми чешуйчатыми когтями, и никто не осмеливается возразить.

Она заболела одной из последних. Я думала, что болезнь ее пощадила, что она в безопасности, – а потом началось. Кожа покрылась серебристыми чешуйками, проступившими как будто бы изнутри. То же случилось с другой девочкой из нашего класса. Чешуя начала расползаться по всему телу, охлаждая кровь; однажды утром Риз не проснулась, и тогда мы решили, что ей уже не помочь, отнесли ее наверх и стали ждать, когда она умрет. Но Риз не умерла. Несколько дней она пролежала в лазарете, точно труп, а потом вдруг вернулась как ни в чем не бывало, и ее левая рука, хоть и превратилась в когтистую лапу, все еще принадлежала ей.

Риз вспарывает мешок и пропускает нас с Байетт вперед. Желудок сводит спазмами, во рту скапливается слюна. Что угодно, я согласна на что угодно. Но нам не повезло с мешком. Мыло. Спички. Упаковка шариковых ручек. Коробка патронов. И вдруг внизу, на самом дне, я вижу апельсин – настоящий апельсин с одним-единственным темным пятнышком на кожуре.

Мы бросаемся вперед. Серебряная рука Риз хватает меня за воротник, и я чувствую, как перекатываются под чешуей волны жара, но отталкиваю ее и коленом придавливаю к полу. Потом наваливаюсь на Байетт и зажимаю ей шею локтем. Кто-то из них пинает меня – я не знаю, кто именно. Чей-то кулак бьет меня по затылку, и я кубарем отлетаю к лестнице и с треском прикладываюсь носом о ступеньку. Меня ослепляет вспышка боли. Сквозь боль пробиваются оживленные крики девочек, окруживших нас кольцом.

Кто-то наматывает мои волосы на кулак и дергает изо всех сил. Я изворачиваюсь, впиваюсь зубами в кожу с проступившими на ней венами, и противница взвизгивает. Моя хватка слабеет. Ее – тоже. Мы отползаем друг от друга.

Я трясу головой, избавляясь от залившей глаз крови. Риз лежит посреди лестницы, сжимая в руке апельсин. Она победила.

Глава 2

Мы называем ее «токс», и первые несколько месяцев ее даже пытались вписать в учебный план. История эпидемий вирусных заболеваний западной

цивилизации. Корень токс- в насыщенных латинизмами языках. Нормативы фармацевтической деятельности в штате Мэн. Учеба продолжалась, учителя с пятнами крови на одежде рассказывали у доски о предстоящих контрольных так, будто через неделю мы встретимся с ними в том же составе. Это не конец света, говорили они, ваша задача – учиться.

Завтрак в столовой. Математика, английский, французский. Обед, стрельба по мишеням. Физкультура, первая помощь, мисс Уэлч перевязывает раны, директриса делает уколы. Сбор на ужин и отбой до утра, когда станет ясно, кого мы лишились на этот раз. Нет, я не знаю, что с вами, говорит мисс Уэлч. Да, вы поправитесь. Да, скоро вы вернетесь домой.

Долго это не продлилось. Одного за другим токс начала забирать учителей, один за другим срывались уроки. Правила рассыпались, растворялись, оставляя от распорядка голые кости. Но мы продолжаем считать дни и каждое утро высматриваем в небе камеры и прожекторы. На материке о нас помнят, говорит Уэлч. Они пытаются помочь нам с тех пор, как директриса связалась с береговой базой Кэмп-Нэш. Они ищут лекарство. К самой первой из поставок прилагалось уведомление с подписью на фирменном бланке ВМФ.

ОТ: министра военно-морского флота, командира Министерства обороны, сил реагирования на химические и биологические инциденты (СРХБИ), коменданта Кэмп-Нэша, центров по контролю за заболеваниями (ЦКЗ)

КОМУ: Ракстерской школе для девочек, остров Ракстер

ТЕМА: Карантинные меры, рекомендованные ЦКЗ

С настоящего момента в силу вступает карантин, подразумевающий полную изоляцию. В целях безопасности и сохранения условий возникновения инфекции учащимся и персоналу запрещается покидать территорию школы. Выход за пределы территории, осуществленный лицами, не являющимися уполномоченными представителями команды по доставке снабжения (см. ниже), расценивается как нарушение карантина.

Вопрос о прекращении телефонного обслуживания и доступа к интернету ожидает решения; коммуникация должна осуществляться посредством официальных каналов радиосвязи. С настоящего момента информация о ситуации на острове считается засекреченной.

Снабжение осуществляется посредством поставок у западного причала. Дата и время поставки определяются маяком Кэмп-Нэша.

Лечебно-диагностические процедуры находятся в разработке. Центры по контролю за заболеваниями и местные исследовательские лаборатории работают над поиском лекарства. Ожидайте поставку.

Ждать и жить. Мы думали, это будет нетрудно – сидеть за забором, защищающим нас от леса и животных, которые становились всё агрессивнее, – но девочки заражались одна за другой. Приступы сминали их тела так, что они больше не могли дышать, оставляли незаживающие раны, а иногда вызывали горячку, в которой они оборачивались против самих себя. Это происходит и сейчас. С одной только разницей – теперь мы знаем: единственное, что нам остается, – думать о своих.

Риз и Байетт – они мои, а я их. Это за них я молюсь, когда прохожу мимо доски объявлений и касаюсь пальцами пожелтевшего, закрученного на краях уведомления флота, которое до сих пор висит на своем месте. Это наш талисман, напоминание об обещании. Лекарство уже в пути, нужно только подождать.

Риз вонзает серебристый коготь в апельсин и начинает снимать кожуру, и я заставляю себя отвернуться. За свежую еду мы должны сражаться. Она говорит, что только так можно уладить вопрос по справедливости. Никаких подачек из жалости. Она бы не взяла этот апельсин, если бы не считала, что заслужила его.

Стайки девочек, окружив нас водоворотом оживленного смеха, копаются в ворохе вываленной на пол одежды. Флот продолжает присылать одежду, ориентируясь на общее число учащихся. Маленькие рубашки и крошечные туфельки – у нас не осталось никого, кому они были бы впору.

И куртки. Куртки они присылают с завидной регулярностью, с тех пор как траву покрыл первый иней. Токс ударила весной, и летом того года нам хватало форменных юбок и рубашек, но зима, как обычно бывает в штате Мэн, выдалась холодной и долгой. Днем мы жгли костры, а на ночь включали присланные флотом генераторы, пока их не уничтожила снежная буря.

– У тебя кровь, – говорит Байетт. Риз отрывает лоскут ткани от подола рубашки и кидает его мне в лицо. Я прижимаю ткань. В носу что-то хлюпает.

На полуэтаже над вестибюлем раздается шум. Мы дружно поднимаем головы. Это Мона – она на год старше меня, у нее рыжие волосы и широкое лицо с острым подбородком, – прямиком из лазарета, расположенного на третьем этаже. Ее положили туда давным-давно, после прошлогоднего приступа, и мы уже не надеялись увидеть ее снова. Я помню, как в тот день у нее лопалась кожа и исходило паром лицо, как ее несли в лазарет, прикрыв простыней, словно покойницу.

Теперь ее щеки покрывает сетка шрамов, а в волосах видны зачатки сияющего ореола. Совсем как у Риз: под влиянием токс ее пшеничная коса начала светиться, и я настолько привыкла к тому, что это особенность Риз, что мягкий свет, исходящий от волос Моны, вызывает у меня оторопь.

– Привет, – говорит она, слегка пошатываясь, и ее подруги подбегают к ней, размахивая руками и рассыпаясь улыбками, но при этом держатся на почтительном расстоянии. Мы не боимся заразиться – мы все давно заражены в той или иной форме. Мы боимся, что она сломается снова. Что скоро это случится с кем-то из нас. Мы боимся – нам остается только надеяться, что очередной приступ не станет последним.

– Мона, – наперебой щебечут ее подруги, – слава богу, ты поправилась.

Но продолжить разговор они не спешат и вскоре под разными предлогами растворяются в последних лучах солнца, а Мона остается сидеть на диване одна, уставившись на свои коленки. Ей больше нет места среди них. Они привыкли жить без нее.

Я оглядываюсь на Риз и Байетт, пиная скол на одной из ступеней. Сомневаюсь, что когда-нибудь смогу жить без них.

Байетт поднимается на ноги, и ее лоб рассекает неожиданная маленькая складка.

– Подождите здесь, – говорит она и идет к Моне.

С минуту они разговаривают; Байетт наклоняется к уху Моны, и ее сияющие волосы омывают кожу Байетт рыжиной. Потом Байетт выпрямляется, и Мона прижимает большой палец к внутренней стороне ее предплечья. Обе выглядят удивленными. Совсем чуть-чуть, но я все равно замечаю.

– Добрый день, Гетти.

Я поворачиваюсь. Директриса. Черты лица заострились сильнее прежнего. Седые волосы затянуты в тугой пучок, рубашка застегнута до самого подбородка. Вокруг губ пятно – бледно-розовые следы крови, которая сочится у нее изо рта. На них с Уэлч токс действует иначе. Она не убила их, как убила остальных учителей; она не изменила их тела, как меняет наши. Вместо этого она покрыла их языки мокнущими язвами и поселила в конечностях дрожь, которая не ослабевает ни на секунду.

– Добрый день, – отвечаю я. Директриса многое пустила на самотек, но ее манер это не коснулось.

Она кивает в сторону, туда, где Байетт продолжает разговаривать с Моной.

– Как она?

– Мона?

– Байетт.

У Байетт приступов не было с конца лета, а значит, до нового осталось недолго. Они происходят посезонно, каждый следующий хуже предыдущего – до тех пор, пока организм не сдается. Но я даже представить не могу, как что-то может быть хуже ее прошлого приступа. Внешне она почти не изменилась – только горло постоянно болит и позвонки проступают сквозь кожу, – но я помню, как это было. Как ее кровь пропитала старый матрас насквозь и начала просачиваться

на пол. Помню, какой потерянной она выглядела, когда на ее позвоночнике разошлась кожа.

– Все хорошо, – говорю я. – Но скоро будет приступ.

– Сочувствую. – Нахмурившись, директриса снова пристально оглядывает Мону и Байетт. – Я не знала, что вы дружите с Моной.

С каких пор ей есть до этого дело?

– Просто иногда общаемся.

Она смотрит на меня так, словно забыла о моем присутствии.

– Замечательно, – говорит она и исчезает в коридоре, ведущем к ее кабинету.

До токс мы видели ее каждый день, но теперь она или проводит время наверху, в лазарете, или запирается у себя в кабинете, приклеившись к радио, по которому ведет переговоры с флотом и ЦКЗ.

Мобильной связи на острове никогда не было – согласно рекламным буклетам, в воспитательных целях, – а городской телефон отключили в первый же день карантина. Ради секретности. Ради контроля над информацией. Но по крайней мере мы могли общаться с родными по радиосвязи и слышали, как плачут наши родители. Потом прекратилось и это. Флот сказал, что произошла утечка информации и пришлось принять меры.

Директриса не пыталась нас утешать. К тому времени в этом уже не было никакого толка.

Я слышу, как захлопывается дверь в ее кабинет и поворачивается замок. К нам возвращается Байетт.

– Что это было? – спрашиваю я. – С Моной?

– Ничего, – говорит она и рывком поднимает Риз на ноги. – Пошли.

Школа занимает большой участок земли на восточной оконечности острова. С трех сторон ее окружает вода, с четвертой ограничивает забор. А за забором начинается лес – те же сосны и ели, что и на территории школы, только толстые, с густо переплетенными ветвями и молодыми стволами, обвитыми вокруг старых. По нашу сторону забора все так же растут аккуратные небольшие деревца; изменились только мы.

Риз приводит нас на край острова, где отполированные ветром скалы жмутся друг к другу, как щитки черепашьего панциря. Мы сидим на камнях, Байетт – в серединке, и промозглый ветер треплет ее длинные распущенные волосы, закрывая лицо. День стоит прохладный, небо ясное, но не голубое, вдали сплошная пустота. За пределами острова темный океан глотает песчаный берег, закручиваясь в волны. На горизонте ни кораблей, ни земли – ни единого намека на внешний мир, в котором все идет своим чередом.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает Байетт. Два дня назад шов на моем незрячем глазу разошелся. Привет из прошлого, напоминание о том, как мы не понимали, что с нами происходит.

Во время первого моего приступа правый глаз ослеп, а веки срослись, и я думала, что на этом все закончится, пока что-то не начало расти под кожей. Байетт предположила, что это третье веко. Было не больно, но глаз зверски чесался, и я чувствовала, как под сросшимися веками что-то шевелится. Поэтому я попыталась их разделить.

Это было глупое решение. Достаточно взглянуть на шрам, чтобы в этом убедиться. Я мало что помню, но Байетт говорит, что я уронила ружье во время ружейной смены, впилась ногтями в лицо, словно одержимая, и начала раздирать себе веки.

Шрам почти зажил, но время от времени он расходится, и по щеке бежит розовая, водянистая от гноя кровь. Во время дежурства я слишком занята, чтобы на него отвлекаться, но сейчас чувствую под кожей пульс. Возможно, рана воспалилась. Хотя это последнее, о чем нам стоит волноваться.

– Сможешь зашить? – Я стараюсь не выдавать своей тревоги, но Байетт все равно замечает.

– Что, настолько плохо?

– Нет, просто…

– Ты ее хоть промыла?

Риз довольно фыркает.

– А я говорила не оставлять ее открытой.

– Иди сюда, – произносит Байетт. – Я посмотрю.

Я разворачиваюсь и задираю подбородок, а она садится на колени лицом ко мне. Пробегает пальцами вдоль раны, задевая веко. В ответ на прикосновение под кожей что-то дергается.

– Выглядит неприятно, – говорит она и вынимает из кармана иголку с ниткой. Она всегда носит их с собой с тех пор, как шрам зарубцевался в первый раз. Ей почти семнадцать, из нас она самая старшая, и в такие минуты это чувствуется. – Не шевелись.

Игла входит в кожу. Прохладный ветер смягчает боль. Я пытаюсь подмигнуть ей, заставить ее улыбнуться, но она качает головой и хмурится.

– Я сказала, не шевелись, Гетти.

Мы с Байетт сидим друг напротив друга, и она смотрит на меня точно так же, как я на нее, и я в безопасности – в безопасности, потому что она рядом. А потом она втыкает иголку слишком глубоко, и я отшатываюсь, съеживаясь всем телом. Боль ослепляет; она везде. Зрячий глаз застилает пелена слез. Я чувствую, как кровь затекает в ухо.

– О боже, Гетти, ты как?

– Это же просто швы, – говорит Риз.

Она с закрытыми глазами лежит на спине. Ее рубашка задралась, и я вижу бледную полоску кожи, ослепительно яркую даже за туманом слез. Ей никогда не холодно, даже в дни вроде сегодняшнего, когда изо рта вырываются облачка пара.

– Ага, – говорю я. В отличие от моего глаза, серебряная рука не доставляет Риз неудобств, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не огрызнуться. У нас и без того достаточно поводов для ссор. – Давай дальше.

Байетт начинает что-то говорить, но тут со стороны сада доносится крик. Мы оборачиваемся – может, у кого-то начался первый приступ. В Ракстере учатся с шестого класса и до выпуска – по крайней мере учились, так что младшим из нас сейчас по тринадцать лет. Им было одиннадцать, когда все началось, и теперь болезнь наконец добралась и до них.

Но нет, это всего лишь Дара, наша ровесница с перепончатыми пальцами. Она стоит там, где начинаются скалы.

– Стрельба! – кричит она нам. – Мисс Уэлч говорит, пора тренироваться.

– Идем. – Байетт завязывает узелок, поднимается на ноги и протягивает мне руку. – Закончим после ужина.

Уроки стрельбы были у нас и до токс – традиция со времен основания школы, – но тогда они проходили по-другому. Старшеклассницы – и еще Риз, лучше которой на острове не стрелял никто, потому что остров был ее домом, – ходили с мистером Харкером в лес и палили по банкам из-под газировки, которые он выстраивал в ряд на земле. У остальных были уроки по технике безопасности, которые чаще всего отменялись, потому что мистер Харкер вечно опаздывал.

А потом токс забрала мистера Харкера. Забрала стрелковую руку Риз – она больше не может ухватить пальцами спусковой крючок. Стрельба перестала быть развлечением и превратилась в учебную дисциплину, потому что теперь нам нужно уметь убивать. Раз в несколько дней на закате мы по очереди стреляем до тех пор, пока каждая из нас не попадет в центр мишени.

Уэлч говорит, мы должны быть готовы. Готовы защищать себя и друг друга. В первую зиму через забор пробралась лиса – видимо, пролезла между прутьев.

Позже девочка из ружейной смены сказала, что та напомнила ей собаку, которая осталась у нее дома. Вот почему она не смогла выстрелить. Вот почему лиса добралась до террасы перед школой. Вот почему она загнала в угол самую младшую из нас и разодрала ей горло.

Мы тренируемся в конюшне на краю острова: ее большие раздвижные двери открываются с обеих сторон, и случайные пули летят в океан. Раньше в ней стояло четыре лошади, но вскоре после прихода токс мы начали замечать, что она проникает в них, как проникла в нас: она выталкивала их кости наружу, прокалывая кожу, растягивала им мышцы, пока они не начинали кричать. Мы вывели их к воде и застрелили. Теперь в денниках пусто, и мы толпимся в них в ожидании своей очереди. Нужно выстрелить в мишень, и, пока не попадешь в яблочко, уйти тебе не позволят.

Почти все огнестрельное оружие мисс Уэлч держит под замком в кладовой вместе с патронами (флот начал присылать их, когда узнал о животных), так что на всех у нас один дробовик и коробка патронов, которые лежат на столе из тонкого листа фанеры, водруженного на деревянные козлы. Конечно, это не ружья, из которых мы стреляем во время ружейной смены, но Уэлч всегда говорит, что, мол, какая разница, и у Риз каждый раз напрягаются желваки.

Я подтягиваюсь на руках, усаживаясь на двери денника, и чувствую, как она раскачивается, когда Байетт запрыгивает ко мне. Риз стоит между нами, прислонившись к двери спиной. Из-за руки ей запретили стрелять, но она все равно приходит сюда каждый раз и молча сверлит мишень глазами.

Сперва все стреляли в алфавитном порядке, но за время токс мы потеряли не только конечности, глаза и пальцы, но и фамилии. Теперь мы стреляем по старшинству. Самые старшие проходят быстро – большинство из них может попасть в цель с нескольких попыток. Джулия и Карсон справляются за два выстрела, потом Лэндри стреляет бесконечно долго, так что я сбиваюсь со счета, а после наступает наш черед. У Байетт уходит три патрона. Достойно, но ее не просто так ставят в ружейную смену со мной. Если не попадет она, попаду я.

Она передает мне дробовик, и я дышу на руки, чтобы вернуть им чувствительность, а потом занимаю ее место, поднимаю дробовик к плечу и прицеливаюсь. Вдохнуть, сосредоточиться, выдохнуть, надавить. Грохот отдается в ушах. Все просто. Это единственное, в чем я лучше Байетт.

– Молодец, Гетти, – говорит Уэлч.

– Молоде-е-ец, Гетти, – протягивает кто-то в толпе и хихикает. Я закатываю левый глаз, кладу дробовик на импровизированный стол и возвращаюсь к деннику, где ждут Риз и Байетт.

Обычно следующей идет Кэт, но тут поднимается легкая возня, раздается ойканье, и кто-то выталкивает на середину конюшни Мону. Она спотыкается, с трудом удерживаясь на ногах, выпрямляется и шарит глазами по нашим лицам в поисках сочувствия. Она его не найдет – жалость мы теперь бережем для себя.

– Можно я пропущу? – спрашивает она, поворачиваясь к Уэлч. Лицо Моны неподвижно, но ее тело выдает напряжение. У нее почти получилось, ей почти удалось отвертеться. Но остальные этого не допустят. Как и Уэлч.

– Боюсь, что нет. – Уэлч качает головой. – Давай.

Мона говорит что-то еще, но так тихо, что ее никто не слышит, и идет к столу. Дробовик уже заряжен. Ей нужно просто прицелиться и выстрелить. Она поднимает дробовик и пристраивает его на сгиб локтя так, будто баюкает куклу.

– Когда будешь готова. – Это Уэлч.

Мона поднимает дробовик и робко кладет палец на спусковой крючок. Мы затаили дыхание. У нее трясутся руки. Каким-то чудом она продолжает направлять дробовик в сторону мишени, но напряжение дает о себе знать.

– Я не могу, – всхлипывает она. – Я не… не могу.

Она опускает дробовик и смотрит в мою сторону.

И тут на шее у нее раскрываются три глубоких разреза, напоминающих жабры. Крови нет. Но с каждым вздохом они пульсируют, и под кожей у нее что-то извивается.

Мона не кричит. Она вообще не издает ни звука. Она просто падает на спину, хватая ртом воздух. Она продолжает глядеть на меня, ее дыхание замедляется. Не в силах отвернуться, я смотрю, как Уэлч подлетает к Моне и падает рядом с ней на колени, нащупывая пульс.

– Отведите ее в спальню, – велит она.

В спальню, а не в лазарет, потому что в лазарет отправляют тех, у кого дела совсем плохи. У Моны бывали приступы и похуже. Да и у остальных тоже.

Из толпы выходят девушки из лодочной смены; у каждой на поясе нож – только им разрешено носить оружие. Такими вещами всегда занимаются они; вот и теперь девушки берут Мону под руки, рывком поднимают ее и ведут к школе.

Поднимается гул, и мы идем было за ними, но Уэлч громко прочищает горло.

– Дамы, – протягивает она так же, как раньше во время вечерней поверки. – Разве я вас отпускала? – Все молчат, и Уэлч поднимает дробовик и передает его первой в очереди девочке. – Мы начнем заново. С самого начала.

Никто не удивлен. Мы давно потеряли способность удивляться. Мы снова выстраиваемся, ждем своей очереди и стреляем, чувствуя, как из дробовика в ладони переходит тепло – тепло Моны.

На ужине все разбредаются кто куда. Обычно мы по крайней мере сидим в одной комнате, но сегодня, получив у Уэлч еду, расходимся: кто в вестибюль, кто на кухню, где в старой дровяной печи догорают последние шторы. В такие дни, когда у кого-то случается очередной приступ, мы рассыпаемся на группы и гадаем, кто станет следующей.

Я сижу у лестницы, подпирая спиной балюстраду. Мы с Байетт и Риз сегодня получили еду последними, когда ничего толкового уже не осталось – только две краюшки батона, склизкие от плесени. Когда я вернулась с ними из кладовой, у Байетт сделался такой вид, будто она вот-вот расплачется, – мы с ней не обедали, потому что апельсин достался Риз в честном поединке, – но, к счастью, Карсон из лодочной смены отдала мне банку просроченного супа. Мы ждем, пока до нас дойдет консервный нож; тем временем Риз пытается вздремнуть на полу, а Байетт, задрав голову, смотрит на дверь, за которой скрывается лестница

в лазарет на третьем этаже.

Когда здание только построили, там располагались комнаты прислуги. Узкий коридор, по три комнаты с каждой стороны, наверху плоская кровля, внизу вестибюль с высокими потолками и окнами в два ряда. Попасть наверх можно только по лестнице со второго этажа, запертой за низкой покосившейся дверью.

Я не люблю смотреть на эту дверь, не люблю думать о тех, кто там лежит. Мне не нравится, что там нет места для всех. И еще мне не нравится, что все двери в лазарете запираются снаружи. Что при желании палаты можно превратить в камеры.

Поэтому я смотрю на стеклянные стены столовой в дальнем конце вестибюля. Длинные пустые столы разобрали на растопку, столовое серебро выбросили в океан, чтобы мы не растащили ножи. Раньше это была моя любимая комната. Не в первый день, когда я не нашла себе свободного места, а потом, когда входила утром внутрь и видела, что Байетт заняла мне место. В наш первый год у нее была отдельная комната, и она любила встать пораньше и погулять по территории. Когда я спускалась в столовую, у нее уже была припасена для меня пара тостов. До Ракстера я ела их с маслом, но Байетт научила меня, что с джемом куда вкуснее.

Кэт ловит мой взгляд и машет мне консервным ножом. Я отлепляюсь от балюстрады и пробираюсь к ней мимо четверки девочек, которые разлеглись на полу квадратом, положив головы друг другу на животы, и пытаются друг друга рассмешить.

– Видела, как ты продавила Карсон, – говорит Кэт, когда я подхожу ближе. У нее черные волосы, прямые и тонкие, и темные пытливые глаза. Токс ее не пощадила. Несколько недель она провела в лазарете со связанными руками, потому что иначе раздирала пузырящуюся кожу в клочья. Теперь ее тело покрыто шрамами и белыми отметинами, и каждые несколько месяцев к ним прибавляются кровоточащие волдыри.

Я отвожу взгляд от свежего шрама на ее шее и улыбаюсь.

– Это было нетрудно.

Она передает мне консервный нож, и я прячу его под рубашку на поясе, чтобы никто не стащил его, пока я возвращаюсь к лестнице.

– У вас все нормально? Не мерзнете?

Из теплого на ней только съемная флисовая подкладка с куртки ее подруги Линдси. Когда мы в последний раз делили одежду, им с Линдси не повезло. Ну а одеяло тут можно уберечь, только если ни на секунду не сводить с него глаз.

– Все хорошо, – говорит Кэт. – Спасибо, что спросила. Проверьте, не вспучилась ли крышка у вашей банки. Не хватало нам еще ботулизма.

– Обязательно.

В этом вся Кэт, добрая по-своему. Она наша ровесница, а ее мама служит во флоте, как мой отец. Ракстер и Кэмп-Нэш – единственные населенные пункты на многие мили вокруг, и за долгие годы совместного существования они переплелись так тесно, что в Ракстере выделяют стипендии для детей служащих ВМФ. Только поэтому я здесь. Только поэтому здесь Кэт. В конце каждой четверти мы вместе садились на автобус до аэропорта: она возвращалась на базу в Сан-Диего, а я – в Норфолке. Она никогда не занимала мне место, но, когда я робко пристраивалась рядом, она улыбалась и позволяла мне дремать на своем плече.

Я сижу себе рядом с Байетт, когда у парадной двери поднимается шум. Там собралась компания Лэндри. Всех нас можно разделить на одиннадцать-двенадцать групп – одни побольше, другие поменьше, – и самая большая из них сосредоточена вокруг Лэндри; она на два года старше меня и происходит из древней бостонской семьи, древнее даже семьи Байетт. Она всегда нас недолюбливала – по крайней мере с тех пор, как однажды пожаловалась, что на острове нет парней, а Риз посмотрела на нее отрешенно и сказала: «Зато девчонок завались».

От ее слов в груди у меня что-то подскочило, и это ощущение порой возвращается ко мне по ночам, когда от косы Риз на потолке образуется сияющая рябь. Тяга. Желание.

Но она слишком далеко. Она всегда была слишком далеко.

Кто-то вскрикивает, и девочки, толкаясь, образуют тесное кольцо вокруг распростертого на полу тела. Я подаюсь вперед, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Блестящие каштановые волосы, тонкие угловатые черты лица.

– По-моему, это Эмми, – говорю я. – Первый приступ.

Эмми была в шестом классе, когда началась токс и ее одноклассницы одна за другой окунулись в период пубертата, надрываясь от крика и взрываясь фейерверками во время первых своих приступов. И вот наконец настала ее очередь.

Она скулит и повизгивает, пока ее тело дергается и сжимается от спазмов. Интересно, чем токс одарит ее – и одарит ли? Жабрами, как у Моны, волдырями, как у Кэт, может, костями, как у Байетт, или рукой, как у Риз? Порой токс не дает ничего – только отнимает, оставляя лишь иссушенную, угасающую оболочку.

Наконец Эмми затихает, и толпа вокруг нее начинает рассасываться. Для первого приступа она выглядит неплохо. У нее дрожат ноги, когда она поднимается с пола, и даже издалека видно, что вены на ее шее вздулись и потемнели, как синяки.

Раздаются аплодисменты. Эмми отряхивает с джинсов пыль. Джулия из лодочной смены отрывает кусок от черствой булки и кидает его Эмми. Кто-нибудь оставит вечером подарок у нее под подушкой – пару заколок или страницу одного из журналов, которые до сих пор кочуют из рук в руки.

Лэндри обнимает Эмми, и та расплывается в улыбке, гордясь тем, что показала себя молодцом. Думаю, настоящая боль дойдет до нее позже, когда адреналин схлынет, а Лэндри не будет рядом. Настоящая боль и осознание перемены.

– Мне до сих пор обидно, – говорю я. – Мне никто ничего не дарил.

Байетт смеется, быстро вскрывает банку с супом и протягивает мне крышку.

– Дарю.

Я слизываю овощной осадок, игнорируя кислый привкус. Байетт отхлебывает из банки. Выпив треть, она передаст ее мне. Риз всегда последняя. По-другому ее не заставишь поесть.

– Как думаешь, когда вывесят новый состав лодочной смены? – громко спрашивает Байетт. Она обращается ко мне, но делает это ради Риз – Риз, которая надеялась попасть в лодочную смену почти с самого начала.

Мать уехала от нее до того, как я попала в Ракстер, но я знала ее отца, мистера Харкера. Он был смотрителем, техником и разнорабочим в одном лице и жил в доме на краю острова за территорией школы. Жил до токс и карантина, а потом флот переселил его в школу. Больше он с нами не живет. Он ушел в лес, когда токс начала к нему подбираться, и с тех пор Риз пытается отправиться на его поиски.

Единственный способ это сделать – попасть в лодочную смену. Только так можно выйти за ограду. Обычно тройка лодочниц не меняется, пока одна из них не умрет, но несколько дней назад Тейлор сказала, что это будет ее последняя вылазка, что она больше не пойдет в лес. Она одна из самых старших и всегда помогала другим: успокаивала, подбадривала, накладывала швы. Мы не понимаем, что заставило ее отказаться.

Ходят слухи, что это как-то связано с ее девушкой, Мэри, которая одичала этим летом. В один день Мэри была с нами, а потом вдруг пропала: в ее теле осталась лишь токс, а свет в глазах потух. Тейлор была с ней в тот момент. Ей пришлось повалить Мэри на пол и пустить пулю ей в голову. Все считают, что именно по этой причине Тейлор покидает лодочную смену, но, когда Линдси спросила ее об этом вчера, Тейлор отвесила ей пощечину, и с тех пор эту тему больше не поднимали.

Строить догадки мы, конечно, не прекратили. Тейлор говорит, что она в порядке, что все нормально, но уйти из лодочной смены – это не нормально. Особенно для нее. Скоро Уэлч и директрисе придется назвать третье имя – имя той, кто займет освободившееся место.

– Может, завтра? – говорю я. – Я могу спросить.

Риз открывает глаза и садится. Ее серебряные пальцы подрагивают.

– Не надо. Только Уэлч разозлишь.

– Ладно, – говорю я. – Но ты зря беспокоишься. Место, считай, твое.

– Посмотрим, – отвечает Риз.

Не самый любезный наш обмен репликами, но он определенно претендует на место в тройке лидеров.

Вечером Байетт заканчивает зашивать мне глаз. Я не могу уснуть. Я лежу на спине, уставившись на дно койки Риз, где Байетт вырезала свои инициалы. БУ. БУ. БУ. Она делает это везде. На койке, на партах во всех классных комнатах, на деревьях в роще у воды. Она помечает Ракстер своим клеймом, и, думаю, если бы она попросила, я бы позволила ей пометить и себя.

Тишина тянется бесконечно, пока ближе к полуночи ее не разрывают два выстрела. Я напрягаюсь и жду, но в следующую секунду кто-то из ружейной смены кричит: «Все спокойно!»

Над нами посапывает Риз. Мы с Байетт делим нижнюю койку, прижимаясь друг к другу так, что я слышу, как она скрипит зубами во сне. Отопление недавно отключили, и мы спим едва ли не в обнимку, напялив на себя куртки и прочую одежду. Я могу сунуть руку в карман и потрогать гладкую оболочку патрона.

Мы научились этому вскоре после того, как Уэлч впервые назначила дежурных в ружейную смену. Тогда девочки увидели что-то с крыши. Они так и не поняли, что именно: одна утверждала, что это было существо с мутным светящимся контуром, которое двигалось медленно и спокойно, как человек, а другая возражала, что для человека оно слишком велико. Однако оно сильно их напугало, а потому они собрали всю ружейную смену в маленькой комнатушке на втором этаже и научили нас вскрывать патроны. Как вытерпеть спазм в желудке и как проглотить порох – наш смертельный яд – на случай, если у нас вдруг возникнет необходимость умереть.

Иногда по ночам я думаю о том, что же они видели, и в такие минуты приятная тяжесть патрона успокаивает: то, что они увидели и чего так испугались, мне не грозит. Но сегодня я могу думать только о Моне – о том, как она сжимает

дробовик, а на лице ее написано желание приставить его к виску.

До Ракстера я никогда не держала в руках оружия. Иногда папа приносил домой табельный пистолет, но он всегда прятал его в сейф; Байетт и вовсе никогда не видела даже ружья.

– Я из Бостона, – сказала она, когда мы с Риз расхохотались. – Мы, в отличие от вас, оружие дома не держим.

Я запомнила это, потому что она почти никогда не рассказывала о доме. Бостон никогда не проскальзывал в разговоре, как проскальзывал у меня Норфолк. Не думаю, что она хоть немного скучала. В Ракстере нет мобильной связи, и для звонка домой нужно было в определенные часы использовать стационарный телефон в кабинете директрисы. Я никогда не видела ее в кабинете директрисы. Ни разу.

Я перекатываюсь на бок и смотрю на Байетт. Она уже успела задремать. Будь я из такой семьи, как у нее, – голубая кровь, деньги, – я бы скучала по дому. Этим мы с ней и отличаемся. Байетт никогда не хотелось того, чего у нее нет.

– Хватит глазеть, – бурчит она и тычет меня пальцем под ребра.

– Прости.

– Извращенка. – Она сцепляется со мной мизинцами и снова засыпает.

Должно быть, после этого я тоже заснула, потому что сперва вокруг меня ничего нет, а потом я моргаю, скрипит половица, и я понимаю, что Байетт рядом нет. Она стоит на пороге, прикрывая за собой дверь.

Нам не разрешается покидать комнаты ночью, нельзя выйти даже в уборную в конце коридора. Темнота снаружи слишком густая, а установленный Уэлч комендантский час строг. Я приподнимаюсь на локте, но, будучи в тени, остаюсь незамеченной. Она подходит к кровати, замирает ненадолго, а потом забирается по лестнице к Риз.

Кто-то из них вздыхает, и я слышу, как они ворочаются, устраиваясь поудобнее, а потом пшеничная коса Риз свешивается с койки, мягко покачиваясь надо мной. Волоски парят, как перышки, усеивая потолок бледными пятнами света.

– Гетти спит? – спрашивает она. Не знаю почему, но я замедляю дыхание, чтобы они не поняли, что я слушаю.

– Да.

– Что случилось?

– Ничего.

– Ты выходила.

– Да.

Обида кольцами сворачивается в животе. Почему она не взяла меня с собой? И почему рассказывает об этом Риз? Что такого есть в Риз, чего нет во мне?

Кто-то из них ворочается – наверное, Байетт плотнее прижимается к Риз. Байетт любит спать поближе. По утрам мне приходится отцеплять ее пальцы от карманов моих джинсов.

– Куда ты ходила? – шепчет Риз.

– Прогуляться.

Но я знаю, как звучит ложь. Она бы не стала рисковать ради того, чтобы размять ноги. Мы достаточно гуляем по утрам. Нет, в ее голосе какая-то тайна, и обычно такими тайнами она делится со мной. Что изменилось?

Риз молчит, и Байетт продолжает:

– На обратном пути меня поймала Уэлч.

– Херово.

– Все нормально. Я была внизу, в вестибюле.

– И что ты ей сказала?

– Что у меня разболелась голова и я пошла за грелкой.

Серебряная рука Риз свешивается и втягивает косу назад. Я могу представить приглушенный блеск ее глаз, жесткий контур подбородка. А может, она смягчается в темноте. Может, раскрывает душу, когда думает, что ее никто не видит.

Я встретила ее в свой первый день в Ракстере. Мне было тринадцать, но только формально – без груди, бедер и белозубой улыбки. С Байетт мы познакомились еще на пароме, идущем с материка, и сразу поняли, что нужны друг другу. Она знала, кто она и кем должна быть я, и заполняла пустоты внутри меня, которые я не могла заполнить сама. С Риз было иначе.

Она сидела на лестнице в вестибюле; форма была ей велика, и гольфы сбились в складки на щиколотках. Возможно, ее побаивались уже тогда, а может, дело было в чем-то другом – может, то, что она была дочерью смотрителя, значило для остальных больше, чем для меня, – но наши будущие одноклассницы сгрудились у камина в явном стремлении держаться от нее как можно дальше.

По пути к остальным мы с Байетт прошли мимо нее, и взгляд, который она на меня бросила, – заранее горящий от злости – я не забуду никогда.

После этого эпизода долгое время мы почти не общались. Мы ходили на одни и те же уроки и кивали друг другу в знак приветствия, сталкиваясь в коридоре по пути в душ. А потом нам с Байетт понадобился третий человек для проекта по французскому, а Риз была лучшей в классе, обойдя Байетт несколько контрольных назад, и мы выбрали ее.

Этого оказалось достаточно. Риз стала садиться с нами в столовой и держалась рядом на собраниях, и, даже если я помнила тот ее взгляд, если замечала, как сосет у меня под ложечкой всякий раз, когда она произносит мое имя, это было

неважно. Это и сейчас не имеет значения. Койка прямо над моей, ее мягкий голос в темноте, обращенный к кому-то другому, – вот и все, на что я могу надеяться.

– Как думаешь, – произносит она после долгой паузы, – дальше будет хуже?

Я почти слышу, как Байетт пожимает плечами.

– Наверное.

– Наверное?

– Я не знаю. Конечно, для кого-то будет хуже. Но не для всех. – Секунду она молчит, а потом я снова слышу ее голос, такой тихий, что приходится напрягать слух: – Слушай, если ты знаешь что-то…

Я слышу, как шаркают ботинки Риз, когда она переворачивается в постели.

– Иди вниз, – говорит она. – Мне с тобой тесно.

Иногда я думаю: какой она была до разлуки с матерью? Может, более открытой? Но я не могу представить Риз открытой.

Я шуршу одеялом, когда Байетт забирается в постель, и поворачиваюсь к ней спиной, продолжая делать вид, что сплю. По-моему, она смотрит на меня секунду, а потом ныряет под одеяло и засыпает. Когда на горизонте начинает светлеть, я наконец следую ее примеру.

Глава 3

Рассвет наступает быстро и приносит с собой мороз. Окна покрыты свежим слоем инея. В тростнике – целые снопы льда. Мы с Байетт выбираемся из постели, стараясь не разбудить Риз, и идем гулять.

Первое время Байетт гуляла одна, медленно нарезая круги по территории школы. О ней шептались: она скучает по дому, ей одиноко. Ее жалели и в то же время над ней посмеивались. Но я знала, что прогулки придавали ей сияние, делали той, к кому хочется быть ближе. К концу второго месяца моего пребывания на острове я ходила за ней хвостом и надеялась, что часть ее сияния налипнет и на меня.

В вестибюле пусто, если не считать дежурной у парадных дверей. Здание школы выстроено буквой «П»: от концов старого дома отходят два новых крыла. На втором этаже расположены спальни и хозяйственные помещения, на первом – классные комнаты и вестибюль, а еще кабинет директрисы – она, наверное, сидит внутри и подсчитывает запасы, сверяя цифры.

Проходя мимо доски объявлений, я протягиваю руку и постукиваю пальцем по шапке уведомления флота. Это место считается самым счастливым – это видно по тому, как вытерлись чернила от сотен прикосновений сотни рук. Я улыбаюсь, представляя нас с Байетт в каком-нибудь солнечном городе, где нет токс.

– Привет, – говорит Байетт дежурной. Ей тринадцать; среди тех, кто остался, она одна из младших. – Все нормально?

– Порядок. – Она дергает дверь, не дожидаясь просьбы. Люди всегда относятся так к Байетт, как бы она ни относилась к ним.

Дверь, слишком тяжелая для нее, приоткрывается едва ли на дюйм. В дверную смену заступают рано: на случай, если что-то пойдет не так, есть ружейная смена, а вот обязанность следить за дверями приучает младших к ответственности. Я выступаю вперед и накрываю ее ладони своими. Тяну, чувствуя, как поддается слой ржавчины, который с каждым месяцем утолщается. Эта зима станет второй после начала токс и моей третьей зимой в Ракстере. Сколько их еще будет?

– Спасибо. – Я подталкиваю ее плечом, чтобы она не поняла, что я не помню ее имени. – Увидимся.

На крыльце я жду, пока Байетт застегнет куртку. Трава давно засохла, поверх инея протоптана дорожка следов. Возможно, какие-то из этих следов оставила ночью Байетт.

– Вот и зима, – говорю я.

Она не отвечает. Она возится с верхней пуговицей, спрятанной под подбородком. Мы ступаем на выложенную плиткой дорожку, ведущую к воротам.

Я закидываю удочку снова, понадеявшись, что не копаю слишком глубоко. Ну почему она не может сама рассказать, куда ходила?

– Хорошо спалось?

– Ага.

– Я ворочалась?

– Не больше обычного.

Я даю ей последний шанс признаться и жду, но она молчит.

– Потому что я проснулась среди ночи, и тебя в постели не было.

Байетт сворачивает с тропы налево. Это наш обычный маршрут.

– Вот как?

– Да.

Сперва мне кажется, что она не станет ничего объяснять – она не всегда со мной полностью откровенна, хотя я рассказываю ей всё, – но она останавливается и поворачивается ко мне.

– Ты разговаривала во сне.

Это едва ли не последнее, что я ожидала услышать, и у меня падает челюсть.

– Я разговаривала во сне?

– Ага. – На ее лице мелькает выражение обиды, почти неуловимое, словно она не хочет, чтобы я его заметила. – Не знаю, что тебе снилось, но ты сказала… кое-что.

Ничего я не говорила. Я знаю, что не говорила, но не понимаю этого и поэтому молчу.

– И что я сказала?

Она кривится и мотает головой.

– Не хочу повторять. Давай не будем об этом.

Секунду я чувствую ровно то, чего она добивается. Тревогу, острое чувство вины, мешающее мне продолжить расспрашивать. Но ведь это неправда. Я не спала, и я ее видела.

– Ты уверена? – спрашиваю я.

Самое смелое проявление несогласия, которое я могу себе позволить. Надави я чуть сильнее, и она огрызнется. Я сто раз видела, как это бывает: с учителями, когда кто-то из нас забывал сделать домашнее задание, с выездными экскурсиями, когда Уэлч ловила ее за подделкой подписи моей мамы. Байетт – отменная лгунья. Но обычно она лжет ради меня.

– Ага, – говорит она и очень естественно поеживается. – Ничего страшного, забудь. Я просто перебралась наверх, к Риз.

По крайней мере в этом она не солгала. Но что за секреты можно хранить в Ракстере? Наши тела испытывают одни и те же ужасы, одну и ту же боль, одни и те же желания.

– Прости, – говорю я. Мне остается только подыграть. – Что бы я ни сказала, ты ведь знаешь, что ты моя лучшая подруга.

Байетт мгновенно оживляется и, обняв меня за плечи, притягивает к себе. Мы шагаем дальше, нога в ногу.

– Да, – говорит она. – Знаю.

Над нами возвышается здание школы, и через потрескавшиеся стекла до нас долетают голоса девочек, начинающих просыпаться. Иногда они спорят над одеждой и постельными принадлежностями, и порой эти споры перерастают в настоящий скандал, но чаще всего они говорят об одном и том же. Одни и те же журналы передаются из рук в руки, одни и те же тесты проходятся снова и снова, одни и те же воспоминания пересказываются до тех пор, пока не становятся общими. Родителей здесь делят поровну, историями о первых поцелуях обмениваются как подарками.

Мне нечего добавить в общую копилку: об отце воспоминаний у меня почти нет, а о маме, сидящей в одиночестве в нашем доме на базе, думать слишком больно. Мне нравились парни, и мне нравились девушки, но ни по кому из них я не скучаю, никого из них мне не хочется выдернуть из слайдов со старой жизнью и принести в школу.

Иногда, если закрыть глаза, я забываю, что, собственно, изменилось. Забываю о смятении, порохе и голоде. Остаются только скука и апатия, пустившая корни.

Мы приближаемся к забору, оставив школу за спиной; впереди начинается вечнозеленый хвойный лес. Лесной массив прорезает дорога, которая с каждым годом становится все у?же и незаметнее. В нескольких футах за забором – то, из-за чего, по всей видимости, стреляли ночью: туша оленя, умершего несколько часов назад; его мясо заражено и не годится в пищу. Во рту уже копошатся черви, на мехе иголками застыла кровь.

Изменились не только олени. Об этом все знают, но не говорят. Иногда, если выйти из школы в нужный момент, можно почувствовать, как подрагивает земля – совсем как мой дом на базе, когда над ним слишком низко пролетает реактивный самолет. Когда токс только начиналась, мы листали учебники по геологии, разглядывали списки флоры и фауны и гадали, что такое может быть в лесу. Потом ударили холода, и книги пришлось сжечь, а гадать стало уже не так весело.

– Пойдем, – говорит Байетт.

Не глядя на крышу, где две девочки целятся из ружей поверх наших голов, мы ведем пальцами по прутьям и доходим до того места, где забор заканчивается у самой воды, где скалы наслаиваются и собираются гребнями, а долетающая до нас соленая вода скапливается между ними и не замерзает до глубокой зимы. Нас окружают серые складки, изумрудно-зеленые водоросли и черный океан, тяжело вздымающийся вдали.

Я забираюсь на вытянутую скалу и, опираясь на нее ладонями, заглядываю в самую большую из луж. Рыбы в ней нет – из-за токс она практически перестала подплывать к острову, – но зато есть что-то другое. Что-то маленькое, не больше моего кулака, и яркое, тревожно-голубое. Краб.

– Байетт, – зову я, и она, подтянувшись, прижимается к скале рядом со мной. – Смотри.

Они появились на острове за несколько лет до меня. Примета времени, как выразилась учительница биологии, когда повела нас смотреть на них осенью, в мой второй год в Ракстере (мы тогда проходили глобальное потепление). Прежде их никогда не видели севернее Кейп-Кода, но мир меняется, а за ним меняется вода. Мы называем их ракстерскими голубыми, потому что они не похожи на своих собратьев.

С помощью мистера Харкера мы поймали несколько штук для урока и по очереди брались за скальпель. В воздухе стоял густой запах соли, и, когда мы вскрыли панцири, как створки раковины, две девочки чуть не упали в обморок. Смотрите, сказала учительница. У них есть и жабры, и легкие, поэтому они могут дышать и в воде, и на земле. Смотрите, как меняется тело, чтобы приспособиться к новым условиям.

Мы наблюдаем за крабом, пока он неторопливо топчется по дну приливного бассейна, а потом Байетт наклоняется вперед, чуть не сталкивая меня в воду.

– Осторожно, – говорю я, но она не слушает. Она вытягивает руку и касается пальцами поверхности воды. Что-то тонкое и длинное ныряет под выступ скалы.

– Я хочу посмотреть еще раз, – говорит она мне. Ее рука описывает круги, и завихрения воды подталкивают к ней краба.

– Не надо. Это ужасно. И вытащи руку, а не то обморозишь.

Но она меня не слушает. Быстро, как цапля, которые раньше жили на острове, она окунает руку до самого локтя и вытаскивает краба, двумя пальцами удерживая его за клешню. Краб пытается ее цапнуть, но она прижимает его к земле.

Удерживая краба, она нашаривает один из камней, рассыпанных вокруг бассейна. Перехватывает его поудобнее и опускает на краба. Тот корчится, судорожно дергая конечностями.

– Господи, Байетт!

Она изучает расколотый панцирь. У самых кончиков клешней голубой хитин на глазах начинает темнеть, словно кто-то окунул его в черные чернила. Именно это зрелище нагнало на многих ужас на уроке биологии, стало причиной тошноты и головокружения.

– Зачем ты так? – спрашиваю я, отводя взгляд от краба. Если бы мы успели позавтракать, меня бы, наверное, стошнило.

– Затем, – говорит она. Берет краба, который продолжает слабо подергиваться, и бросает его назад в воду. – Только так можно убедиться, что это ракстерский голубой.

– Ты не могла просто сорвать цветок?

Ирисы тоже чернеют, умирая. С ними это происходило еще до токс, а теперь происходит и с нами. Когда токс забирает нас, наши пальцы чернеют до самых костяшек.

– Это другое.

Она поднимается на ноги, оставив меня у бассейна, и уверенно идет к обрыву. Ее ботинки блестят от брызг воды. Когда-то она сказала мне, что это ее любимое место на острове, что ей нравится, как меняются его границы. Земля резко ныряет вниз, ускользает, а Байетт стоит на краю с закрытыми глазами, запрокинув голову.

– Помнишь, – спрашиваю я вдруг, и зимний ветер скрадывает слова, – помнишь, как было раньше?

Она оглядывается на меня. Интересно, вспоминает ли она то же, что и я. Как мы, стоя на крыльце, смотрели на старших, собравшихся на берегу в белых выпускных платьях; как сплетали пальцы во время торжественных собраний и сжимали их изо всех сил, с трудом подавляя смех. Как стояли в залитой закатным солнцем столовой с высокими деревянными окнами и нестройным хором выводили гимн, перед тем как сесть за стол.

– Да, – говорит Байетт. – Конечно.

– Ты скучаешь?

Секунду мне кажется, что она не ответит, но тут на ее губах появляется улыбка.

– А это имеет значение?

– Наверное, нет. – Облака над нами слегка расходятся, пропуская на землю немного тепла. – Пошли в дом.

Мы встречаем Риз на пороге кухни – она ждет, пока две девочки, притащившие ведро дождевой воды, закончат мыть волосы в раковине. Раз в несколько дней наступает наша с Байетт очередь; мои короткие волосы достаточно помассировать у корней, а вот Риз всегда занимает всю раковину и плещется так, что брызги воды разлетаются от ее копны во все стороны, как прекрасные звезды, на которые больно смотреть.

– Они когда-нибудь закончат? – рычит Риз, когда мы подходим. Она крепко сжимает косу в серебряной руке, и я вижу, как напряженно девочки поглядывают на дверь, словно подумывают сбежать.

– Прости, – говорит одна. – Мы почти закончили.

– А побыстрее никак?

Они переглядываются, выжимают волосы и поспешно ретируются. На висках у одной поблескивает не до конца смытый шампунь.

– Спасибо, – говорит Риз, словно у них был выбор.

Мы с Байетт стоим на пороге, пока Риз расплетает косу и окунает волосы в ведро с водой. Минуты тянутся одна за другой. Когда она заканчивает, рукава у нее мокрые насквозь; с волос продолжает капать, когда мы находим в вестибюле свободный диван и, устроившись, принимаемся ждать. Если состав лодочной группы сменился, Уэлч объявит об этом, как только младшие закончат завтракать.

Я упираюсь спиной в подлокотник и закидываю ноги на колени Байетт. По другую сторону от нее Риз, наклонившись вперед и низко опустив голову, заплетает влажные волосы в косу.

Она не нервничает, но что-то внутри у нее туго скручено в спираль. Эта спираль есть всегда, но порой она подступает ближе к поверхности, и сегодня – один из таких дней. Когда Риз начинает отдирать от дивана обивку, мы ничего ей не говорим.

Ничего в жизни я не хотела так, как Риз хотела попасть в лодочную смену. Я до сих пор вижу, как она стоит у ворот в день, когда мистер Харкер ушел; вижу, как она просовывает руки через прутья в попытке до него дотянуться. До сих пор слышу, как она вопит, когда Тейлор оттаскивает ее от забора. Разумеется, она хочет выйти, покинуть территорию школы, узнать, что лежит за поворотом. Хочет выяснить, осталось ли от него хоть что-нибудь.

Мы не знали, как помочь ей выбраться в лес, не нарушив карантина, не говоря уж о том, что в одиночку это было бы слишком опасно. Но мы с Байетт делали что могли. Как-то раз мы взяли ее на крышу – подумали, что сможем разглядеть среди деревьев ее дом. Она только разозлилась.

– Знаете что? В жопу такие развлечения, – сказала она, когда мы вернулись, и не разговаривала с нами еще два дня.

Дверь кабинета директрисы открывается, и в коридор выходит Уэлч с листком бумаги в руке. Риз встает.

– Дамы, – говорит Уэлч, – прошу ознакомиться со скорректированным расписанием. Некоторые из вас будут заняты в новые смены. – Она меняет старый листок на новый, прикалывая бумагу рядом с уведомлением над камином. – Лодочную смену я попрошу заглянуть ко мне в свободное время. Я буду в южной кладовой.

Я жду, что Риз бросится проверять, как только Уэлч уйдет, но она замедляется, приближаясь к камину, а последние шаги, кажется, и вовсе проделывает на ватных ногах. Разговоры не смолкают, но к спискам никто не подходит, и тогда я понимаю, что все смотрят на Риз.

Риз подходит ближе. Я напряженно жду слабой улыбки, означающей, что она получила то, что хотела.

Риз не улыбается.

Она стремительно разворачивается, в несколько шагов преодолевает расстояние до дивана, и ее серебряная рука смыкается на моей лодыжке. Господи, какая она холодная. Один рывок – и я лечу на пол.

– Риз, – говорю я потрясенно и пытаюсь сесть, но она оказывается быстрее меня. Усевшись на меня сверху, она коленями прижимает мне руки к полу, а ладонью давит на подбородок, обнажая шею.

Я пытаюсь сказать что-нибудь, лягаюсь и извиваюсь под ней – мне ведь только нужно сделать вдох, всего один вдох, – но она надавливает еще сильнее и опускает мне на грудь серебряный кулак.

– Что случилось? – доносится до меня панический голос Байетт. – Риз, не надо! Что случилось? Что такое?

На секунду Риз отворачивается от меня, и мне удается высвободить руку. Я дергаю ее за косу. Она вскрикивает, и слепую половину моего лица обжигают когти. Она сдавливает мне трахею предплечьем. Нажимает сильнее.

Я пытаюсь оттолкнуть ее, но она сильная – будто это не Риз, а кто-то другой. Байетт у нее за спиной надрывается от крика. В глазу темнеет, но с последним рваным вдохом мне удается выдавить ее имя.

Отпрянув от меня, Риз отползает и поднимается на ноги.

– О боже, – говорит Байетт, белая как мел.

Я не могу шевельнуться; в груди зияет болезненная пустота. Мы дрались и раньше, но только за еду. Все наши конфликты ограничиваются едой. Это наш запретный рубеж.

Риз моргает, прокашливается.

– Да всё с ней нормально, – угрюмо говорит она. – Ничего же не случилось.

После такого ей остается только уйти, потому что Байетт опускается рядом со мной на колени и помогает мне подняться.

Я едва ли смотрю на списки. Я хочу только подняться наверх и отдохнуть. Но, проходя мимо доски объявлений, я прищуриваюсь, пробегаю взглядом новые пары ружейной смены и новое расписание дежурств и наконец нахожу свое имя. Вот оно. Вот в чем дело. Я новая лодочница.

Я невольно улыбаюсь, и за спиной у меня поднимается шепот, так что я заставляю себя подавить эмоции, иначе Риз узнает и возненавидит меня еще сильнее.

Байетт кладет руку мне на плечо.

– Тебе нужно ее найти. Поговори с ней.

– Не думаю, что это хорошая мысль.

– Я понимаю, что это неправильно – то, что она сделала. – Байетт отводит от моего лица спутанные локоны. – Но она…

– Мне надо встретиться с Уэлч.

Я не могу сдержать воодушевления. Я не хотела этого – я знаю, что заняла чужое место, – но я горжусь собой. Я хороший стрелок. Я выносливая. Я знаю, почему оказалась в этом списке.

– Ладно. – Байетт отстраняется, складывает руки на груди, и я понимаю, что она хочет сказать что-то еще. Но она только смотрит на меня напоследок, а потом разворачивается и идет к лестнице.

Девочки вокруг меня ждут. Они наблюдают за мной с новым вниманием – ведь я теперь из лодочной смены. Они ждут моего примера, ждут, когда я скажу им, что делать, и на такую ответственность я не рассчитывала. Но я должна помнить, что, хотя многие правила остались в прошлом, мы придумали новые, более строгие и бескомпромиссные, чем прежде. Никто не выходит за забор – это наше первое и главное правило, и теперь я одна из тех, кому позволено его нарушить.

Я улыбаюсь стоящей рядом девочке – надеюсь, это выглядит достаточно зрело и ответственно – и быстро покидаю вестибюль, спиной чувствуя на себе взгляды. Уэлч велела найти ее, так что я иду по южному коридору к кладовой, где она проводит инвентаризацию.

– Гетти! Молодец, что пришла, – говорит она. Вид у нее ужасно усталый, и на секунду меня охватывает чувство благодарности. Токс не мучит ее так, как мучит нас, но по крайней мере между приступами мы можем жить спокойно. – Заходи, поможешь мне.

Она роняет мне на руки стопку одеял и вполголоса их пересчитывает. Уткнувшись в одеяла лбом, я делаю медленный вдох. Мне кажется, что шов на глазу разошелся.

– Думаю, мы пойдем завтра или послезавтра, – говорит Уэлч и забирает у меня одеяла. – Вчерашняя передача была скромной, так что, если повезет, нам

пришлют больше.

Лучшее, на что мы можем надеяться, – это еще немного еды и, возможно, пара одеял. Первое время, примерно с месяц, флот был щедрее. Раствор для контактных линз, чтобы Каре не приходилось носить очки. Инсулин для Оливии, противозачаточные для Уэлч и ее гормонов. Но потом это прекратилось, и даже директриса не смогла ничего сделать. Кара осталась без линз, Уэлч – без таблеток, а мы – без Оливии.

– Где мы встречаемся? – спрашиваю я. – И что мне взять с собой? Мне…

– Я за тобой зайду. – Уэлч окидывает меня оценивающим взглядом. – Хорошенько выспись. И постарайся впредь избегать сцен вроде той, что вы устроили в вестибюле.

– Скажите это Риз, – бурчу я.

– О, прошу прощения, – раздается у меня за спиной. Я поворачиваюсь и вижу на пороге Тейлор, которая переминается с ноги на ногу. Хотя я прекрасно знаю, что от места в лодочной смене она отказалась сама, на мгновение мне кажется, что она здесь, чтобы устроить мне скандал. Но ее интересую не я, а Уэлч.

– Не хотела вам мешать, – продолжает она. – Уэлч, я подойду попозже?

Они обмениваются взглядами – такими быстрыми, что я не успеваю ничего понять.

– Конечно, – бросает Уэлч.

Тейлор скрывается в коридоре. Я смотрю ей вслед, пытаясь понять, что с ней сделала токс. Никто, даже ее одноклассницы, точно не знает, как она изменилась после обострений. Видимо, ее мутации скрыты под одеждой.

– И помни, Гетти, – говорит Уэлч, заканчивая подсчитывать одеяла. Я поспешно поворачиваюсь к ней. – Отдыхай, пей побольше воды и избегай конфликтов. Ну, иди.

Я выхожу в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тейлор ныряет в кухню. Уэлч не скажет, чего мне ожидать за забором, а вот Тейлор может.

Я иду за ней, бочком проскальзываю в дверь и вижу, как она опускается на колени у старого холодильника и просовывает руку за заднюю стенку.

– Э-э, – говорю я, и она подпрыгивает от неожиданности, а свободная рука дергается к поясу, где раньше висел нож.

– Господи, Гетти. Ты бы хоть пошумела!

– Извини. – Я делаю крошечный шажок вперед. – Что это там у тебя?

Тейлор бросает напряженный взгляд мне за плечо, а потом слабо улыбается. Тревога покидает ее. Она садится на пятки и достает из-за холодильника упаковку крекеров.

– Будешь?

Прятать еду строго запрещено. Несколько девочек попытались, когда все началось, и поплатились за это – и наказали их не учителя. Лодочная смена вывела их на улицу, чтобы обсудить их поведение, а потом оставила во дворе зализывать раны. Но Тейлор – Тейлор заслужила поблажку. Я не могу представить, чтобы кто-то вздумал ее наказывать.

– Конечно. – Я усаживаюсь рядом на выложенный черно-белой плиткой пол. Она передает мне крекер. Я чувствую, как она наблюдает за мной, пока я откусываю. – Спасибо.

– Я припрятала их еще летом. Думала, что кто-нибудь из вас их найдет.

– Никто не будет там искать, – говорю я. – Там же всё в паутине. И всяких мышах.

Тейлор фыркает.

– Когда ты в последний раз видела в школе мышь? – Она в два укуса расправляется с крекером и смахивает крошки с губ. – Ну? Спрашивай, что

хотела.

– Что?

– Твое имя появилось в списке лодочниц, и сейчас ты совершенно случайно сидишь здесь и разговариваешь со мной? Ну-ну.

Я беру второй крекер, но во рту у меня пересохло, и я просто сжимаю его во влажной ладони.

– Ну, мне хотелось бы знать, к чему готовиться. В смысле… мы что, всего лишь забираем передачу и возвращаемся? Не может быть, чтобы это было так просто.

Тейлор смеется, и это тот смех, который нельзя не поддержать, потому что иначе он может перейти в рыдания.

– Они используют маяк в Кэмп-Нэше, чтобы сообщить о своем прибытии. Азбукой Морзе или вроде того. Я не знаю. Но, когда они подают сигнал, Уэлч приходит нас будить. Она предпочитает выходить пораньше, чтобы вернуться до захода солнца. Хорошо бы они просто доставляли припасы к школе – не пришлось бы никуда тащиться.

Такая возможность даже не приходила мне в голову.

– Почему они этого не делают?

Тейлор откусывает кусочек крекера.

– «Повышенный риск заражения», – поясняет она невнятно. – Хотя я думаю, что они просто не могут подойти ближе из-за скал. Тоже мне флот. Уж они должны бы разбираться в том, как рулить катером.

Мне странно слышать, как священнодействие описывается с таким будничным сарказмом. Хотя, если подумать, она знакома с процедурой гораздо лучше меня.

– Остров… – Я запинаюсь, подыскивая нужное слово. – Он настолько большой, как кажется?

– Большой?

Я думаю о территории школы, о том, как выросли сосны и как они совсем не похожи на лес, который я вижу с крыши. В лесу лютует токс. Там нет девочек, которыми можно кормиться, поэтому она пробралась во все остальное. Там она цветет пышным цветом и распространяется с какой-то неукротимой, разрушительной, привольной радостью.

– Да, – говорю я. – Наверное.

Тейлор подается вперед.

– Помнишь, как все началось? Тот первый день?

Это было ранней весной, в солнечный день полтора года назад. Когда это случилось, я была в рощице черных сосен, среди переплетения стволов и ветвей; Риз и Байетт смотрели, как я балансирую на низкой ветке, пытаясь пройти по ней как можно дальше. Я упала – ничего удивительного, мы все тогда были покрыты ссадинами и царапинами: кто-то слишком быстро завернул за угол, кто-то слишком коротко подвернул ткань во время шитья, кто-то из любопытства вдавливал в кожу острые предметы. Удивительно было то, что случилось потом.

Я встала, не переставая смеяться, и тут из моего правого глаза потекла кровь. Сперва медленно, потом все быстрее, пачкая щеку и заливаясь в рот. Она была горячая, почти раскаленная, и я заплакала, потому что ничего не видела.

Байетт выругалась и схватила меня за локоть. Риз взялась за второй, и они вместе потащили меня к школе. Я крепко зажмурилась. Я слышала голоса других девочек, слышала, как они болтают и смеются, а потом замолкают, когда мы проходим мимо. Байетт крепко прижалась ко мне. Только благодаря ей я держалась на ногах.

В вестибюле Байетт усадила меня на лестницу, а Риз кинулась за медсестрой. Я не знаю, сколько мы просидели; Байетт держала мою руку в своих, а я, положив голову ей на плечо, заливала ее рубашку кровью. Когда Риз вернулась, с ней была Уэлч, и они прижимали марлю к моему правому глазу, пока кровь не остановилась. А когда она остановилась, они увидели, что кожа

век начала срастаться.

Медсестра умерла. Еще три девочки заболели. С этого все и началось.

На следующее утро на острове был объявлен карантин. В небе кружили вертолеты военного образца. Врачи в защитных костюмах наводнили школу, проводя бесконечные тесты в попытке найти ответы, а болезнь тем временем проникала в нас, забирала одну за другой.

– Да, – говорю я и прочищаю горло. – Помню.

– Снаружи всё в точности как тогда, – объясняет Тейлор. – Здесь, в школе, все спокойно, но в лесу всё как в первые дни. Так, будто мы абсолютно ничего не знаем.

Возможно, мне она расскажет правду. Возможно, попав в лодочную смену, я наконец заслужила ее.

– Поэтому ты ушла?

Неправильный вопрос. В одну секунду Тейлор меняется в лице. Холодный взгляд, сжатые в нитку губы. Она поднимается с пола.

– Оставляю крекеры тебе. Спрячь назад, когда наешься.

Риз не приходит на ужин. Она вернулась к отбою – это нам удалось выудить из Уэлч, – но мы не видим ее ни на кухне, когда я забираю наши пайки, ни когда Лорен и Эли дерутся из-за упаковки резинок для волос и Джулии приходится их разнимать. Теперь это и моя работа, напоминаю я себе. Я лодочница. Я пример.

Когда мы возвращаемся в спальню, ее постель пуста, но мне кажется, что в дальнем конце коридора я мельком вижу серебряный блеск. Я заставляю себя отвернуться.

– Это мне надо злиться, – говорю я Байетт, когда мы укладываемся спать. – Это она меня чуть не задушила, а не я ее.

– Ты отняла то, что должно принадлежать ей, – говорит Байетт. – По крайней мере, она так считает.

Затаив дыхание, я поднимаю подбородок, чтобы сдержать подступившие к глазу слезы. Не может же она в самом деле считать, что я сделала это в пику ей? Но, в конце концов, Риз постоянно защищается от какой-то невидимой угрозы.

– Я об этом не просила.

– Не думаю, что ее это заботит.

Мы начинаем ерзать, устраиваясь на ночь: я спиной к стенке, Байетт на спине, заняв бо?льшую часть кровати. Мы спали так с начала токс: сперва – ради тепла, потом – просто потому, что привыкли.

– Ты могла бы отказаться, – замечает она, когда мы обе наконец перестаем возиться.

– Может, и отказалась бы, – огрызаюсь я, – если б она попросила. – Но злость быстро проходит. Я вздыхаю и закрываю глаз. – С ней все так непонятно.

Байетт тихонько фыркает.

– Хорошо, что у вас есть я.

– Ты даже не представляешь. – У меня бывают хорошие дни. А иногда я держусь из последних сил. Пустота на горизонте, сосущий голод – и как мы собираемся выжить, если не можем ужиться даже друг с другом? – Мы справимся. Скажи, что мы справимся.

– Лекарство уже в пути, – говорит Байетт. – Мы справимся. Обещаю.

Глава 4

Тейлор оказалась права. Уэлч будит меня рано утром, когда на улице еще темно. Мне требуется пара секунд, чтобы разлепить глаз от сна и понять, кто это.

– Что случилось?

Она снова меня трясет.

– Спускайся вниз, и поскорее. Мы выходим.

За ней закрывается дверь. Риз продолжает спать наверху, но Байетт переворачивается на живот и привстает на локтях.

– Уходишь? – Голос у нее хриплый и сонный.

– Да.

– Давай, будь осторожна.

Это приказ, и я слегка улыбаюсь на случай, если она видит.

– Постараюсь.

Уэлч уже ждет меня у кладовой в компании Карсон и Джулии. Карсон лишилась трех ногтей на руке после того, как во время последнего приступа царапала дверь лазарета, а на темной коже Джулии нет живого места из-за синяков, которые увеличиваются с каждым днем. Никто не знает, как они появляются, но они никогда не проходят.

Джулия и Карсон не первые лодочницы. Тейлор, место которой заняла я, была последней из оригинального состава команды. Ее выбрали вместе с Эмили и Кристин, близняшками из школы где-то под Вашингтоном, которые приехали к нам по обмену. Они должны были остаться на один семестр. Но семестр они выбрали неудачный. Где-то через три месяца после начала токс они вернулись из леса, не помня собственных имен. Токс забрала их личности, заставила забыть все, кроме одного: как держать нож. Она заставила их заколоть друг друга во время ужина и, истекая кровью, смотреть друг на друга до конца.

Карсон улыбается мне, когда я подхожу ближе. Она надела вторую куртку, тяжелую, с фланелевой подкладкой, а волосы спрятала под капюшон. Джулия копается рядом в шкафу, вытаскивая вещи для себя и, видимо, для меня.

– Держи. – Она сует мне ворох одежды, садится и скидывает ботинки, чтобы надеть еще одну пару носков. – Одевайся.

Темно-синее, почти черное пальто с большими латунными застежками на груди, напоминающими чемоданные защелки. Оно мне почти впору, а высокий воротник защитит шею от ветра. Красная шапка-ушанка – я не уверена, что она налезет, и смотрю на Уэлч. На ней красный шарф. На Карсон тоже. А у Джулии, которая теперь стоит и нетерпеливо хмурится, поверх куртки надет красный жилет.

– Красный видно издалека, – объясняет Уэлч. Она возится с рацией на поясе, по которой можно связаться с директрисой. – Чтобы в случае чего мы могли друг друга найти.

Джулия фыркает.

– И чтобы нас могли найти все остальные. Одевайся, Гетти. Пора идти.

Казалось бы, этого следовало ожидать, но я все равно удивляюсь, когда Уэлч вкладывает мне в ладонь длинный охотничий нож и показывает, как закрепить его в петлях на джинсах, как это делают Карсон и Джулия. Пока мне полагается только нож, но у Джулии, как и у самой Уэлч, с собой пистолет. Не ружье, из которых мы стреляем на крыше, а удобный маленький пистолет, с которым она явно умеет обращаться.

– Все готовы? – спрашивает Уэлч и кивает мне. – Ты идешь за Джулией. Не отставай.

Через парадные двери мы выходим на тропу. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на школу и вспомнить, и мне как будто снова тринадцать, и я выбираюсь из фургона и иду по дорожке, а Байетт – на полшага позади меня. Большие двери, крыльцо и ощущение, что здесь меня ждет что-то особенное.

У забора мы останавливаемся и ждем, пока Уэлч откроет ворота. Забор из кованого железа, с частыми прутьями, между которыми не пролезть, даже если втянуть живот, и стоит он с самого основания школы, то есть добрых несколько веков. Его установили, чтобы отделить ухоженную территорию школы от дикого леса, оградиться от животных, которые могли бы пробраться к мусорным бакам. И, наверное, чтобы удерживать внутри, на территории школы, нас. Как будто на этом острове есть куда пойти.

Но с приходом токс деревья начали наступление: новые ростки лезли из-под земли и тянулись через забор, словно пытались добраться до нас. В основном это сосны – старые, вокруг которых промерзшая земля усыпана сухими иголками, и молодые, чешуйчатые и шишковатые, искаженные до неузнаваемости. Они растут вплотную к прутьям, а их ветви, тяжелые от кроваво-красных ягод, нависают над забором и почти касаются земли с нашей стороны. Ягоды никто не ест. Когда они лопаются, их черная мякоть сочится какой-то жижей.

Только в одном месте деревья отступают от забора – с северной стороны, над обрывом высотой в двадцать футов. Вдоль остального периметра мы вырубили деревья и укрепили забор подручными материалами, какие только смогли найти.

Лес опасен сам по себе – могу поклясться, он хочет нас поглотить, – но еще опаснее животные. Койоты крупнее волков. Лисы, которые теперь сбиваются в агрессивные стаи. Иногда они слишком быстры для ружейной смены, поэтому мы утыкали забор осколками стекла и зазубренными крышками от суповых банок, а дыры закрыли пробковыми досками из классных комнат.

У забора дежурных нет. Слишком близко к лесу, слишком велик соблазн для животных, да и смысла в этом особо нет. Ворота легко открываются и запираются, когда ты выходишь. Единственный путь на территорию школы охраняет железный ключ, который висит на поясе Уэлч.

Ворота приоткрываются, и мы по очереди протискиваемся в узкую щель. Уэлч закрывает их у нас за спиной со щелчком, очень хлипким. Такое чувство, что для того, чтобы сломать замок, достаточно о нем подумать. Неужели это вся наша защита?

– Готовы? – спрашивает Уэлч и, не дожидаясь подтверждения, трогается в путь.

Дорога грунтовая, с обочины наползают корни и сорняки, рытвины засыпаны камнями – работа отца Риз, мистера Харкера. Полтора года я смотрела на эту дорогу с крыши, но совсем забыла, каково это – ощущать ее под ногами, промерзшую насквозь и хрустящую, как сахарная вата. Дыхание вырывается изо рта облачками пара, в носу свербит. Еще неделю назад стояла осень, но сегодня нет никаких сомнений, что наступила зима.

Сосны над нашими головами упираются в небо. Они выше, чем должны быть, с мощными стволами и сплетением ветвей, которые закрывают и без того тусклое солнце, делая освещение рассеянным и вязким. Меня не отпускает ощущение заброшенности, словно мы первые, кто побывал на этой дороге за последнюю сотню лет. Ни следов шин, ни каких-либо намеков на то, что когда-то это место выглядело иначе.

Нас не должно здесь быть. Это место нам больше не принадлежит.

Прежде я даже не осознавала, сколько шума мы производим в школе, но после нескольких минут, проведенных на дороге, ко мне приходит понимание. Тут так тихо, что слышно, как растут и движутся деревья, и слышно, как растут и движутся те, кто в них живет. Олени, которые до токс были совсем мелкие, а теперь могли бы кормить нас неделями, если бы только не гнили заживо. Койоты, а еще я слышала волков, хотя никогда не видела. Есть и другие, те, кто никогда не показывается нам на глаза. Токс ударила не только по нам. Она ударила по всему острову.

Мох стелется по земле толстым ковром, из которого тянутся ползучие побеги. Несмотря на мороз, нам то и дело встречаются островки пышно цветущих ирисов. Они покрыты инеем; сердцевина сжалась в тугой бутон, окруженный обвисшей юбочкой сочных темно-синих лепестков. Они цветут на острове круглый год, и раньше почти в каждом кабинете у нас стояло по вазе с цветами. Лепестки ракстерских ирисов чернеют, когда их срывают. Как ракстерские голубые крабы. Как мы.

До карантина все было по-другому. Разумеется, нам читали лекции о том, как правильно хранить еду, чтобы до нее не добрались животные, но они были почти ручные, да и в самом лесу было иначе – он принадлежал нам. Сосны росли частыми рядами, но из-за бедности почвы стволы были такие тонкие, что, встав в правильном месте, можно было увидеть противоположный конец острова. Океан напоминал о себе постоянным привкусом соли в воздухе. Здесь, посреди

этой чащобы, он долетает до нас лишь изредка.

Все началось именно с леса. По крайней мере, так думаю я. Еще до того, как болезнь коснулась нас, она начала просачиваться в землю. Деревья стали выше, новые побеги проклевывались со скоростью, нарушающей все законы природы. Но нас это не насторожило; мы не замечали перемен, пока однажды, выглянув из окна, я не поняла, что больше не узнаю Ракстер. В то утро за завтраком две девочки, словно озверев, вцепились друг другу в волосы, а к обеду токс нанесла первый удар.

Часть дороги, по которой мы идем, прямая как стрела и испещрена следами девочек, которые на протяжении полутора лет ходили за припасами в составе лодочной смены. По обе стороны от дороги нет ничего. От узких тропинок, разбегавшихся в разные стороны, не осталось и следа. Никаких признаков жизни. Я встречаю только длинные куски коры, сорванной со стволов когтями или зубами.

Я ждала чего-то иного. Я видела, как деревья надвигаются на школу, видела, как сгущается темнота между стволов. Я знаю, на что способна токс. И все же я думала, что лес сохранил частицу моей старой жизни. Я думала, что хоть какая-то часть нас могла уцелеть.

– Не отставай, – говорит Уэлч, и я понимаю, что замедлила шаг, а остальные ждут меня в нескольких ярдах. – Надо идти.

Интересно, что осталось от дома Риз. Он должен быть где-то правее дороги, среди зарослей камыша. Я так и не запомнила путь: нас всегда вела Риз. Она пригласила нас далеко не сразу, и, даже когда это случилось, меня не покидало ощущение, что мы с Байетт лишние. Риз с отцом смеялись и болтали, Байетт без энтузиазма ковырялась в тарелке, а я улыбалась и не знала, куда себя деть.

Сзади раздается треск, а за ним – высокий короткий звук, напоминающий блеяние, и у меня вырывается проклятие. Уэлч бросается к ближайшему дереву, волоча меня за собой, и падает на землю среди корней. На другой стороне дороги Карсон и Джулия вжимаются в землю у кустарника, наклонив друг к другу головы.

– Что…

– Тс-с! – шипит Уэлч. – Не двигайся.

На крыше было по-другому, там были только ветви и ружейный прицел. Но теперь я чувствую, как дрожит почва под ногами. Слышу тяжелые, взрывающие землю шаги. У меня пересыхает во рту, по телу расползается страх, и я прикусываю губу, чтобы не проронить ни звука.

Я прижимаюсь к земле рядом с Уэлч в окружении ползучих корней, когда вдруг замечаю движение. Сперва я вижу огромный силуэт, а потом оно выходит из-за деревьев. Его мех колышется как трава. Он слишком велик для койота и слишком темный для рыси. Черный медведь.

Я знаю, что полагается делать, если он нас заметит. С гризли все по-другому, но при встрече с черным медведем надо шуметь, показать ему, кто главнее. Бежать ни в коем случае нельзя. Нужно дать ему отпор. Этому научил нас мистер Харкер после того, как увидел одного из них, роющегося в мусоре у его дома. Они быстрее, чем кажутся, говорил он, и различают яркие цвета.

Я срываю с себя красную шапку и заталкиваю ее под пальто, чувствуя, как леденеет кожа головы. Слышу, как бешено стучит мое сердце, и стараюсь дышать как можно тише.

Уэлч рядом со мной улыбается – едва заметно, словно не может сдержаться. Мы остаемся в своем укрытии бесконечно долго. Дожидаемся, пока шаги удалятся, ветви перестанут колыхаться, а звуки стихнут, и только тогда она поднимается на ноги и тянет за собой меня.

– Ушел, – говорит она. – Можешь надеть шапку.

Она зовет Карсон и Джулию. Они выходят из-за ветвей с таким видом, словно не испугались только что до полусмерти, словно сталкиваются с подобным каждый день.

– Понравилось? – спрашивает Джулия.

Мне кажется, она не шутит.

В длину остров всего миль пять или около того и имеет форму пули, направленной на запад, но мы движемся медленно, и на дорогу до противоположного края уходит много времени. Я понимаю, что мы уже близко, по тому, как изгибаются деревья, норовя отодвинуться подальше от берега, словно боятся его. Где-то впереди за деревьями скрыто здание информационно-туристического центра. Его построили еще до школы и использовали как штаб местной рыболовецкой компании, пока не выловили всех лобстеров, после чего здание переоборудовали. До токс центр пустовал весь год, кроме лета, и даже летом единственной живой душой в нем был мистер Харкер, который сидел за стойкой и слушал трансляцию матча «Сокс», пока мимо ходили паромы с туристами, направляющимися в другие города и на другие острова.

Лес редеет, и нам открывается болотистый, покрытый солью берег. Впереди, где-то в полумиле от нас, начинается неспокойный серый океан; на горизонте, как обычно, пусто.

– Хм, – вырывается у меня, прежде чем я успеваю себя одернуть.

Уэлч бросает на меня хмурый взгляд.

– Что?

– Я думала, что они будут нас ждать.

Мне никто не отвечает, так что я проглатываю разочарование, и мы гуськом – я между Карсон и Джулией, Уэлч впереди – выходим из-под деревьев на открытое пространство. В лицо тут же хлещет ветер, такой сильный, что едва не сбивает меня с ног. Я заталкиваю шапку в карман пальто и придвигаюсь поближе к Джулии в надежде, что она хоть немного меня прикроет.

Здесь дорога едва заметна, с обеих сторон нас окружают камыш и вязкие лужи грязи. Справа виднеются остатки дощатого настила, ведущего от причала к туристическому центру через солончак и деревья, – раньше он пестрел информационными табличками. Я хочу спросить, что с ними стало. Но заранее знаю, каким будет ответ: токс.

Не сходя с тропы, мы медленно направляемся в сторону причала, у начала которого трепыхается рваная красная лента. Первое время говорили, что тут

построят стену – настоящую стену из металла и прозрачного пластика, но дальше ленты дело не пошло. Ленты и таблички: «Область обрабатывается. Пожалуйста, подождите».

Здесь мы останавливаемся, и Уэлч, сбросив сумку на землю, начинает в ней рыться. Она достает бинокль и смотрит на горизонт.

– Что теперь? – спрашиваю я, постукивая ногой об ногу, чтобы хоть немного согреться.

– Обычно, – поясняет Карсон, – приходится немного подождать. Но иногда…

И тут я слышу птичий щебет. Я резко оборачиваюсь, всматриваясь в деревья, но глаз никак не может приспособиться к резкой смене картины.

– Что это было?

Птицы замолчали, когда мы начали болеть, затихли, словно их никогда не было. Мы видели, как они покидают остров – цапли, чайки и скворцы улетали на юг навсегда. Я так давно не слышала птиц, что успела забыть, как они звучат.

– Ага, хорошо, – говорит Уэлч. – Значит, скоро будут.

Я продолжаю недоумевать, почему они не реагируют на птицу, когда с воды раздается гудок. Я подпрыгиваю, сердце ускоряется, дыхание обжигает легкие.

– Что это за звук?

Сегодня довольно ясно, и где-то за серыми облаками светит солнце. Оттуда, где мы стоим, видно берег – смазанное пятно за волнами. А между нами – ни лодки, ни корабля.

– Подожди.

– Но я ничего не вижу.

Снова гудок, и вид у всех становится такой, будто так и должно быть, а потом из серого марева, словно пробираясь через густой туман, плавно выступает корабль.

Это буксирное судно с тупым носом и выцветшим корпусом. Оно слишком большое, чтобы подойти к берегу с нашей стороны острова, а вот причал, выдающийся далеко в океан, – другое дело. Когда судно подходит ближе, я узнаю идентификатор – белый номер и желто-синие полоски на трубе. Несколько раз я видела такие в Норфолке. Серия ВМФ, из Кэмп-Нэша на побережье.

Когда буксир разворачивается, волна от него доходит до берега, и, прищурившись, я могу разглядеть на плоской палубе двух людей, слишком больших из-за ярких защитных костюмов. Мотор ревет все громче, пока Карсон не затыкает уши. Я уже могу различить на корме огромный оранжевый кран – он вытягивается, удлиняется, а потом поднимает с палубы грузовой поддон и переносит его через борт на край причала.

Манипулятор разжимается, и поддон падает на деревянный настил. Доски причала под нами вибрируют. Я делаю шаг вперед, но Джулия, выставив руку, меня останавливает.

– Сначала они должны дать сигнал.

Крюк свободен, и кран втягивается назад, а те двое стоят на палубе и смотрят на нас, и я жду, что один из них махнет рукой или даст сигнал как-то еще, как вдруг раздается очередной гудок – так близко и громко, что мы просто стоим, оглушенные, и ждем, когда шум стихнет.

Постепенно гудок затухает, и я, вспомнив о необходимости дышать, жадно хватаю воздух.

– Теперь можно, – говорит Джулия.

Вода плещется вокруг свай все сильнее, пока буксир удаляется, набирая скорость. Две чайки шумно садятся на ограждение причала. Они наблюдают за нами, за припасами, которые оставил корабль. Они здесь, чтобы попытаться урвать хоть что-нибудь. Вероятно, летели за буксиром с материка.

Вблизи мне видно, что в передаче полно вещей, куда больше, чем обычно приносят в школу. Поддон нагружен заколоченными деревянными ящиками, поверх которых лежат пять или шесть мешков вроде тех, с какими возвращается лодочная смена.

– Что это такое? Вот это все? – спрашиваю я. Я хорошо знаю, как торчат у Байетт ребра. Ей нужна эта еда. Нам всем нужна эта еда.

– То, что останется между нами, – говорит Уэлч. – Вот что это такое.

– Не переживай, – говорит Карсон, и я с огромным усилием отвожу взгляд от ящиков. – Конечно, такое трудно осознать сразу.

– И это всё еда? Этим можно питаться неделю.

– И даже дольше, – сухо говорит Джулия.

Они наблюдают за мной, ждут чего-то, вот только я не знаю чего.

– Ее всегда так много?

Может быть, это впервые, и они потрясены не меньше меня – но Уэлч хладнокровно кивает.

– Не понимаю: куда она девается? Почему не доходит до школы?

Уэлч выходит вперед и встает между мной и ящиками. Джулия и Карсон придвигаются к ней, и на их лицах я вижу мрачную решимость, из которой выбивается только тревожная складка на лбу Карсон.

– Слушай меня очень внимательно, – говорит Уэлч. – Я не просто так выбрала тебя. Мы защищаем тех, кто остался в школе. Даже если это тяжело. Даже если это выглядит не так, как ты ожидала.

Я мотаю головой, отступаю назад. Это неправильно. Я не понимаю, что происходит.

– О чем вы говорите?

– Часть еды испорчена, – говорит Уэлч. – Они присылают много, но в пищу годится едва ли половина. Там внутри всякий мусор. Просрочка, пестициды.

– Пестициды? – Я не верю своим ушам, но Джулия и Карсон кивают с таким же мрачным выражением. – Мы умираем от голода из-за пестицидов?

– Вашим организмам и без того нанесен огромный ущерб. Я не уверена, что вы можете позволить себе рисковать еще и с едой.

– Поэтому мы просто не едим ничего?

– Да. – Уэлч произносит это ровным голосом, и ее внимательные холодные глаза смотрят прямо на меня. – Я же сказала, Гетти: я выбрала тебя, потому что думала, что ты справишься. Признаю, порой я ошибаюсь в людях. Если я ошиблась в твоем случае, мы можем решить эту проблему прямо сейчас. – Она слегка меняет позу и кладет руку на рукоять револьвера, заткнутого за пояс джинсов.

Я легко могу себе это представить: один выстрел промеж глаз, и мое тело под пристальным взглядом Уэлч скрывается под водой. Объяснить исчезновение одной из лодочниц не составит труда.

– Но я терпеть не могу ошибаться, – продолжает Уэлч. – И не думаю, что ошиблась в тебе. Я думаю, что ты справишься, Гетти. Я права?

Я отвечаю не сразу.

Мы дрались за каждый кусок пищи, и все это время ее было гораздо больше. Почему Уэлч решила, что она вправе скрывать от нас правду?

И все-таки на кону моя жизнь. Уэлч убьет меня не поморщившись и будет спать так же крепко, как раньше. Спустя полтора года жизни с токс мы все научились делать то, что должны. И, раз уж на то пошло, я не могу притворяться, что мне неважно, что выбрали меня. Меня, а не Риз.

– Ну так что, Гетти?

В чем бы ни заключалась проблема – а я не сомневаюсь в том, что она есть, – сейчас я сделать ничего не могу. Я расправляю плечи и смотрю Уэлч в глаза. Я не умею лгать, как Байетт, но могу попытаться.

– Да, – говорю я. – Вы правы.

Уэлч сжимает мне плечо, и на ее лице появляется широкая искренняя улыбка.

– Я знала, что мы сделали правильный выбор.

– Молодчина, – говорит Джулия, а Карсон бросается вперед и чмокает меня в щеку обветренными губами. От неожиданности я отшатываюсь: Карсон ледяная на ощупь, а ее губы холоднее зимнего воздуха.

– Как хорошо, что ты с нами, – говорит она. Они улыбаются с облегчением, как будто уже готовы были возвращаться домой без меня.

Не сомневаюсь, так оно и есть.

Уэлч обнимает меня за плечи.

– Разумеется, мы не рассказываем об этом девочкам, – говорит она, подталкивая меня к ящикам, – но директрису мы тоже стараемся не тревожить такими вещами.

– Не тревожить? – Я не могу сдержать удивления. Все это очень странно, но самое странное то, что Уэлч и директриса могут что-то друг от друга скрывать.

– У нее и без того много забот. Зачем грузить ее такими подробностями? – Уэлч улыбается. – Проще решить этот вопрос самим. Ты ведь знаешь, как она любит всё контролировать.

– Конечно, – говорю я, потому что это звучит как безопасный ответ, а она выразилась предельно ясно: она готова на все, лишь бы сохранить секрет.

– Отлично. – Она отходит от меня. – Приступим. Тебе нужно это осмыслить, так что предлагаю тебе сперва просто понаблюдать. Постепенно ты втянешься.

Карсон начинает передавать мешки Джулии; та развязывает тесемки и вываливает на землю содержимое.

Овощи, фрукты, даже пачка бекона – все упаковано, словно прямиком из супермаркета. Но когда я вглядываюсь повнимательнее, то вижу, что некоторые ящики уже открывали, некоторые пакеты вскрыты и заклеены скотчем с гербом Кэмп-Нэша: компас, глобус и лента с мелким текстом, который невозможно разобрать.

Уэлч поднимает пакет моркови, подносит его к носу, и в животе у меня бурчит.

– Не пойдет, – говорит она и кидает его в океан. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы нырнуть за ним следом.

За морковью отправляются бекон, пакет винограда и бушель[2 - Приблизительно 11–13 кг.] болгарского перца. Два мешка стремительно пустеют, а на волнах вокруг причала покачивается все больше еды.

– Вот вы где, – бормочет Уэлч. Она добралась до третьего мешка – в нем лежат бутылки воды со знакомыми этикетками. Только эту воду мы и пьем; у школы есть колодец, но после прихода токс флот запретил им пользоваться – мол, вода может быть заражена.

Карсон начинает пересчитывать бутылки с водой. Джулия, устроившись рядом, сортирует в две горки спички и мыло. Из ее мешка выглядывают бутылки шампуня – бледного, перламутрового, никому не нужного шампуня.

На сортировку уходит довольно много времени, но вот наконец опустошают мешки и упаковывают все, что хотят сохранить; еда, оставшаяся в оригинальной упаковке, крекеры, вяленое мясо и даже пакет бейглов, твердых, как камень.

После этого Джулия с помощью ножа вскрывает первый ящик. Ветер подхватывает бумажную стружку, и она разлетается по поверхности воды, как пепел.

Ящиков четыре штуки. В одном – аптечки, пакеты для биологически опасных материалов, маски, которые обычно носят врачи; примерно половину мы выбрасываем, остальное забираем с собой. Второй ящик до краев заполнен патронами, а в третьем лежат два пистолета, аккуратно упакованных в поролон. Уэлч забирает оружие и прячет в сумку, а коробки с патронами раздает нам.

Наконец мы открываем последний ящик. Он почти полностью набит бумагой и соломой, но в самом центре лежит плитка шоколада – настоящего, темного, качественного шоколада. Сгрудившись вокруг Уэлч, мы наблюдаем, как она вынимает шоколад из ящика.

– Это… – начинаю я, но замолкаю, потому что Уэлч разрывает фольгу, и я чувствую запах – я забыла, какой он, забыла, как его сладость виноградной лозой вплетается в воздух, и, не успев сообразить, что делаю, я протягиваю руку.

Карсон смеется.

– Погоди, тебе тоже достанется.

– Его уже присылали раньше? – спрашиваю я, и Джулия кивает. Я знаю, что должна злиться. Но меня хватает только на зависть.

Уэлч отламывает от плитки первые два квадратика, и это лучший звук на свете – густой, настоящий, почти физически ощутимый.

– Каждый раз присылают.

– Не каждый, – поправляет Уэлч. Вторые два квадратика отправляются Джулии. – Но довольно часто.

Наконец очередь доходит до меня; шоколад уже начал таять в руке, и я сую его в рот так поспешно, что могу подавиться, но какая разница, честное слово, какая разница, когда это так вкусно.

Когда с шоколадом покончено – на это уходит какое-то время, потому что я продолжаю облизывать пальцы, чтобы ничего не упустить, – мы взваливаем

мешки на плечи и возвращаемся на дорогу. Поддон пуст. Ящики Уэлч тоже сбросила в воду; когда я спросила ее зачем, она ответила, что, если что-то оставить, в следующий раз пришлют меньше. Мы не оставляем на причале ничего, хотя забрали от силы треть.

Я понимаю, что назад мы идем той же дорогой, но чем дальше мы отходим от причала, тем сильнее она отличается от того, что я видела раньше. Может, дело в освещении, которое теперь приобрело желтоватый оттенок, а может, в чем-то еще. Чайки поднялись в небо и кружат у нас над головами, разрезая воздух пронзительными криками. Я натягиваю шапку пониже, когда Уэлч останавливается так внезапно, что Карсон врезается в нее.

– Простите, – говорит она, но Уэлч не слушает.

– Что такое? – спрашивает Джулия.

Уэлч разворачивается к нам, в уголках ее рта появляется складка.

– Что-то приближается, – говорит она. Чайки затихли, и нас окружает хрупкая тишина. – Разделимся на пары. На дорогу не выходите. Встречаемся у ворот. Гетти, ты идешь со мной.

Джулия и Карсон обмениваются взглядами и ныряют в заросли, и вскоре красные пятна исчезают из поля зрения.

Уэлч уводит нас прочь от дороги. Мы идем быстрым шагом, петляя между сосен, и их кора цепляется за одежду. Я оглядываюсь через плечо – сумрак сгущается, и с каждым звуком мне мерещится, что совсем рядом крадется какое-то животное. Мы продолжаем углубляться в лес, и мешок начинает выскальзывать из потных ладоней.

– Уэлч, – говорю я, но она не отвечает, а только хватает меня за пальто, не глядя, и тащит за собой.

В кустах слева от нас раздается треск. Уэлч замирает. Она стоит, выставив руку поперек моей груди. Сосны смыкаются вокруг нас неровным кольцом, разрезая горизонт на осколки. Лес неподвижен. Может, нам послышалось, думаю

я, может, всё уже позади. Но тут звук раздается снова, и на этот раз я замечаю движение. Остекленевшие желтые глаза мелькают за деревьями и тут же исчезают.

– Что это? – шепотом спрашиваю я. Сердце колотится в груди, а легкие напрягаются, безуспешно пытаясь справиться с удушающей паникой.

– Не знаю. – Она нашаривает на поясе револьвер и накрывает его рукой, не касаясь спускового крючка. – Я не ви…

Она осекается, когда за спиной у нас слышится мягкий рокот. Короткий рык, хруст ветки. Я оборачиваюсь.

Рысь. Серый мех, длинное коренастое тело. Заостренные уши прижаты к голове, зубы поблескивают в оскале. Она находится ярдах в десяти от нас и медленно, крадучись приближается, похрустывая инеем.

Раньше рыси были мелкие и пугливые. Достаточно было одного выстрела, чтобы их прогнать. Эта рысь другая. Я вижу, как играют под шкурой мышцы на ее мощных плечах на уровне моего пояса.

– Зайди за меня, – шепчет Уэлч. – Медленно.

Я едва дышу и не свожу глаз с рыси, но сдвигаюсь за спину Уэлч, носком ощупывая перед собой землю. Кошка снова рычит, прижимаясь грудью к земле. Она уже близко, и теперь я вижу у нее на спине темные пятна – засохшую кровь и струпья в местах, где с нее лезла шкура. Внутренняя сторона передних лап покрыта язвами, белый мех на шее запачкан желчью.

Шаг вперед, еще один, хвост мечется из стороны в сторону, Уэлч отталкивает меня назад, и моя нога цепляется за корень. Я спотыкаюсь, и у меня вырывается проклятие. Кошка шипит и бросается вперед с резким скрипучим воплем.

Уэлч стреляет в воздух, так что у меня звенит в ушах, и рысь, рявкнув, отпрыгивает назад и начинает обходить нас по кругу, помахивая хвостом.

– По моему сигналу, – говорит Уэлч, – беги к школе. Я постараюсь догнать.

Мы поворачиваемся и поворачиваемся, револьвер прыгает в руке Уэлч, и я больше не знаю, с какой стороны мы пришли, куда мне бежать. Но это не имеет значения. Сердце стучит в ушах: «Беги, беги, беги».

– Готова? – спрашивает Уэлч.

Рысь продолжает ворчать, скалясь на револьвер, направленный ей между глаз.

Я не готова. Но выбора у меня нет. Спусковой крючок уходит назад, и кошка вопит, когда пуля задевает ей бок. Уэлч толкает меня в сторону.

– Пошла! – кричит она. – Пошла!

Ее голос приглушен звоном в ушах, но мое тело его слышит. Я закидываю мешок на плечо и бросаюсь бежать. Ботинки стучат по земле, и я хватаю ртом ледяной воздух и изо всех сил напрягаю мышцы. За спиной раздается еще один выстрел. Я не оглядываюсь.

Сосны проносятся мимо, пока я петляю между стволов. Страх затуманивает взгляд, и все вокруг выглядит иначе, кричит об опасности и боли. Откуда-то сбоку выныривает тропа. Я бегу по ней, и волоски на руках встают дыбом. Здесь я как на ладони и слишком уязвима, но, кажется, это одна из троп мистера Харкера в южной части острова. По крайней мере, я бегу в правильном направлении.

Легкие горят, ногу начинает сводить судорогой, мешок больно бьется о бедро. Впереди я вижу скопление елей, ветви которых опускаются до самой земли. Если я залезу внутрь, то смогу спрятаться на случай, если меня кто-то преследует, и дождаться Уэлч.

Я продираюсь через колючие ветки и оказываюсь в маленьком укрытии, где воздух зеленый и пряный, а весь мир изрезан сеткой иголок. Лес снаружи неподвижен и тих. Ничего красного – Уэлч рядом нет.

Я вытаскиваю из мешка шапку и вывешиваю ее на одной из ветвей, чтобы Уэлч заметила ее, если будет проходить мимо.

Если она не придет через несколько минут, говорю я себе, я пойду дальше. Но от мысли вылезти из укрытия у меня мучительно скручивает живот. До токс я никогда не бывала в лесу одна. Со мной всегда были или одноклассницы, если это был урок биологии, или Риз с Байетт, с которыми мы ходили на ужин к мистеру Харкеру. И тогда все было иначе. Деревья росли не так плотно. Воздуха было больше.

Я приседаю у корней одной из елей и сгребаю в кучу сухие иголки, чтобы не сидеть на промерзшей земле. И тут я нащупываю что-то твердое и пустое.

Не обращая внимания на хлынувших во все стороны блестящих черных жуков, я раскапываю листья. В носу свербит от терпкого, гнилостного запаха, пока я расчищаю пространство, и вот наконец на поверхности показывается охладительный контейнер из ярко-голубого пластика с откидной ручкой, который словно кто-то забыл после пикника.

Я озираюсь по сторонам, прежде чем подцепить защелку грязными ногтями. Скорее всего, это одна из коробок со снастями мистера Харкера, но лучше проверить.

Я ожидаю увидеть заплесневелую наживку, крючки и леску, но ничего похожего внутри нет. Снаружи контейнер покрыт грязью, но внутри он чист, словно кто-то тщательно его вытер. На дне в прозрачном пластиковом пакете, запечатанном красной лентой, лежит пузырек крови с пометкой «РАКС009 (потенц.)». Почерк кажется мне смутно знакомым.

– Гетти! – доносится сквозь ветви встревоженный голос Уэлч.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Хопкинс, Джерард Мэнли (1844–1889) – английский поэт и католический священник. – Примеч. ред.

2

Приблизительно 11–13 кг.

Купить: https://tellnovel.com/pauer_rori/dikie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити